

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 3 (9)

2014

Главный редактор

Член-корреспондент АН РТ Ф.Ш. Хузин

Заместители главного редактора:

доктор исторических наук А.Г. Ситдигов

доктор исторических наук Ю.А. Зеленев

Ответственный секретарь — кандидат ветеринарных наук Г.Ш. Асылгараева

Редакционный совет:**Р.С. Хакимов** — вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)**Х.А. Амирханов** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Махачкала, Россия)**И. Бальдауф** — доктор наук, профессор (Берлин, Германия)**П. Георгиев** — доктор наук, доцент (Шумен, Болгария)**Е.П. Казаков** — доктор исторических наук (Казань, Россия)**Н.Н. Крадин** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)**А. Тюрк** — PhD (Будапешт, Венгрия)**И. Фодор** — доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия)**В.Л. Янин** — академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)**Редакционная коллегия:****А.А. Выборнов** — доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)**М.Ш. Галимова** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Р.Д. Голдина** — доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)**И.Л. Измайлов** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**С.В. Кузьминых** — кандидат исторических наук (Москва, Россия)**А.Е. Леонтьев** — доктор исторических наук (Москва, Россия)**Т.Б. Никитина** — доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)**Ответственный за выпуск:****Б.Л. Хамидуллин** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Адрес редакции:**

420012 г. Казань, ул. Булterова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru<http://archaeologie.pro>

Индекс 31965, каталог «ПОЧТА РОССИИ»

Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан», 2014

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2014

© Журнал «Поволжская археология», 2014

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences **F.Sh. Khuzin**

Deputy Chief Editors:

Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

Doctor of Historical Sciences **Yu.A. Zeleneev**

Executive Secretary — Candidate of Veterinary Sciences **G.Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

R.S. Khakimov — Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)

Kh.A. Amirkhanov — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Dagestan Regional Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation)

I. Baldauf — Doctor Habilitat, Professor (Humboldt-Universität zu Berlin, Berlin, Germany)

P. Georgiev — Doctor of Historical Sciences (National Archeological Institute with Museum, Bulgarian Academy of Sciences, Shumen Branch, Shumen, Bulgaria)

E.P. Kazakov — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

N.N. Kradin — Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)

A. Türk — PhD (Institute of History, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary)

I. Fodor — Doctor (Hungarian National Museum, Budapest, Hungary)

V.L. Yanin — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

A.A. Vybornov — Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)

M.Sh. Galimova — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

R.D. Goldina — Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)

I.L. Izmaylov — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

S.V. Kuz'minykh — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

A.E. Leont'ev — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

T.B. Nikitina — Doctor of Historical Sciences (V.M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Responsible for Issue — Candidate of Historical Sciences **B.L. Khamidullin**

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologie.pro>

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2014

© Mari State University, 2014

© "Povolzhskaya Arkheologiya" Journal, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Хузин Ф.Ш., Ситдииков А.Г.</i> Казанская археологическая школа: итоги и перспективы развития.....	6
<i>Серых Д.В.</i> Фотоматериалы Всероссийских Археологических Съездов дореволюционной России (к 137-летию IV Казанского Съезда).....	41
<i>Шарифуллин Р.Ф.</i> К истории археологического изучения Болгара.....	56
<i>Измайлова С.Ю.</i> Творческая лаборатория провинциального ученого (по материалам переписки казанского археолога и нумизмата А.Ф. Лихачева).....	75
<i>Кузьминых С.В., Чижевский А.А.</i> Хронология раннего периода ананьинской культурно-исторической области.....	101
<i>Измайлов И.Л.</i> Археологическая культура и средневековая этническая общность: теоретические и методические проблемы соотношения (на примере средневековой Болгарии).....	138
<i>Колода В.В.</i> Тюркская руническая надпись из лесостепной Хазарии	180
<i>Георгиев П.П.</i> Плиска в VIII веке: проблемы и достижения.....	194
<i>Казаков Е.П.</i> Хронология древностей Волжской Болгарии в системе средневековых миграций Восточной Европы.....	222
<i>Владимиров Г.В.</i> Материальные следы куманов в Болгарских землях (конец XI – середина XIII в.): проблемы изучения.....	242
<i>Галимова М.Ш., Ситдииков А.Г., Хабаров В.В.</i> Оружейные и кресальные кремни из раскопок Казани: экспериментально-трасологическое исследование.....	256
<i>Абдуллин Х.М., Визгалова М.Ю., Ситдииков А.Г., Старков А.С., Федотова Ю.В., Храмченкова Р.Х.</i> Лапти как археологический материал: происхождение, классификация, реставрация (на примере находок Свяжска и Казани).....	277

Хроника

Ситдииков А.Г., Вязов Л.А., Макарова Е.М. О работе Международной
полевой археологической школы в Болгаре (18–31 августа 2014 г.).....294

Измайлов И.Л., Хузин Ф.Ш. Анатолию Николаевичу Кирпичникову – 85.....304

Список сокращений314

Правила для авторов316

CONTENTS

Articles

<i>Khuzin F.Sh., Sitdikov A.G.</i> The Kazan archaeological school: results and perspectives of development.....	4
<i>Serykh D.V.</i> The photo materials of the All-Russia Archaeological Congresses of the imperial Russia (to 137 th anniversary of 4 th Kazan Congress).....	39
<i>Sharifullin R.F.</i> Towards the history of archeological investigation of the Bolgar town.....	54
<i>Izmailova S.Yu.</i> Creative laboratory of the provincial scientist (according to correspondence of the Kazan archeologist and numismatist A.F. Likhachev).....	73
<i>Kuzminykh S.V., Chizhevskiy A.A.</i> Chronology of early period of the ananiyno cultural and historical area.....	99
<i>Izmailov I.L.</i> Archaeological culture and medieval ethnic unity: the ratio of theoretical and methodical problems (a casestudy from medieval Bulgaria).....	136
<i>Koloda V.V.</i> Turkic runic inscription from forest-steppe Khazaria.....	178
<i>Georgiev P.P.</i> Pliska in the 8 th century: problems and achievements.....	192
<i>Kazakov E.P.</i> The chronology of Volga Bulgary ancients in Eastern Europe medieval migrations system.....	220
<i>Vladimirov G.V.</i> Material traces by the cumans in the Bulgarian lands (end of 11 th – middle of 13 th centuries): issues of the study.....	240
<i>Galimova M.Sh., Sitdikov A.G., Khabarov V.V.</i> Gun-lock flints and the fire stones from excavations in Kazan: experimental and traceological research.....	254
<i>Abdullin H.M., Vizgalova M.Yu., Sitdikov A.G., Starkov A.S., Fedotova Yu.V., Hramchenkova R.H.</i> Bast-choes as archaeological material: origin, classification, renovation (a case-study from the finds of Sviyazhsk and Kazan).....	275

Chronicle

Sitdikov A.G., Vyazov L.A., Makarova E.M. On the work of the international archaeological field schooling at Bolgar in august 18-31, 2014.....292

Izmailov I.L., Khuzin F.Sh. Anatoly Nikolaevich Kirpichnikov is 85 years302

List of abbreviations312

Rules for authors314

УДК 902/904 (018)

**АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СРЕДНЕВЕКОВАЯ
ЭТНИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И
МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ БУЛГАРИИ)**

© 2104 г. И.Л. Измайлов

Статья посвящена проблемам сопоставления археологической культуры и этноса на примере средневековой Булгарии. По мнению автора, в последнее время стало очевидно, что традиционные концепции и методики изучения этногенеза и этнической истории булгар пришли в противоречие с накопленными фактами. Методика «археологической этногенетики», когда для решения проблем этногенеза древнего населения археологические культуры прямо сопоставлялись с этносом, в настоящее время подвергается критике. Согласно современным представлениям об этносе и этничности, основой этничности является идентичность, имеющая сложный иерархический характер. Современная методика требует перейти к комплексному изучению проблем этногенеза на основании данных археологии и этнологии. Основой для подобного анализа является изучение средневековой болгарской ментальности как источника сведений о ключевых аспектах этнополитических представлений. Рассмотрение аутентичных исторических источников, элементов историографической традиции и фольклорных материалов позволяет реконструировать основные, значимые для этноса, представления. В археологической культуре населения Булгарии явно выделяются два взаимосвязанных элемента – общая мусульманская и элитарная военно-дружинная культура. Эти элементы непосредственно характеризуют болгарскую этнополитическую общность. Такие теоретические построения, а также практические исследования на примере этногенеза средневековых булгар показывают продуктивность методики этнологического синтеза на междисциплинарной основе.

Ключевые слова: Волжская Булгария, средневековье, болгарский этнос, этногенез, этноархеология, археологическая культура, «археологическая этногенетика», военно-служилая элита, мусульманская культура.

Этногенетические исследования: политическая и научная актуализация. Изучение древней и средневековой истории народов Волго-Уральского региона и их этногенез в течение многих лет было одним из приоритет-

ных направлений отечественной науки. В последние годы интерес к этой теме не только не уменьшился, но и возрос. Причем актуализация данной темы идет по двум направлениям – серьезному вниманию к ней со стороны

ученых различных специальностей от лингвистов до археологов и за счет политизации, обращения к ней людей весьма и весьма далеких не только от археологии и истории, но часто вообще от науки.

Вместе с тем в изучении этой проблемы существуют коллизии чисто научного свойства, которые проистекают вследствие противоречивости самого процесса познания этнических процессов, конкуренции различных теорий, сложности методик анализа этнических процессов и их реконструкции, несоответствия словаря понятий различных поколений ученых. Особенно это заметно на фоне переживаемой гуманитарными, в первую очередь историческими, науками смены парадигм и конкретных этногенетических концепций. После безраздельного господства в гуманитарных науках исторического материализма и марксизма в их вульгарно-догматическом, «советском» варианте, основанных на историцизме и панлогизме (Гуревич, 1991, с. 21–36), наступил период кризиса, который может быть преодолен только за счет внедрения новых концепций. История все более осознает себя антропологически ориентированной наукой – *исторической антропологией*, а наиболее распространенным исследовательским принципом становится меж- и полидисциплинарность, которая позволяет не следовать за источником, отражая его сведения, не довольствоваться «внешним» описанием, изображением событий, а ставить проблему, вести активный диалог с людьми прошлого, пытаться проникать в строй их мыслей и чувств, в тайны их сознания (см.: Гуревич, 1988; Гуревич, 2014;

Кром, 2004; Репина, 1990, с. 167–18; 2011).

Для археологии данная проблема всегда являлась одной из важнейших направлений исследований, которая в условиях дисперсности письменности источников, фактически аккумуляировала и концентрировала в своем ведении изучение этногенеза народов Евразии. Долгое время единственным теоретическим методом изучения этногенеза была археолого-этнологическая концепция. В основе ее лежит уверенность, что можно прямо экстраполировать данные первичного археологического анализа на историю и культуру общества в целом, в частности, реконструировать древнюю этнокультурную ситуацию. Часто главным методом подобного исследования служили и служат обыденные представления исследователя, которые часто основывались на «материалистических» формулах определения понятий «племя» и «народность» и на постулате, что некоторые элементы материальной культуры (например, бытовая посуда) определяли этническое сознание. Нередко, исходя из этих посылок, археологи, вместо скрупулезного анализа своих источников, пытаются создавать свои «археологические истории этноса». Абсурдность и ущербность подобных методов очевидна, но, к сожалению, не всегда осознается, поскольку эвристический потенциал данного подхода требует более строгих методических оснований, чем кажущаяся очевидность явлений и фактов археологии. Более того, часто подобные методы трактуются как общепризнанные постулаты исследования, требующие не доказательств, а защиты от нападков досужих критиков. В последнее

время проблемы этногенеза и методов его археологического изучения стали объектом специального теоретического рассмотрения и попыток переосмысления (Шнирельман, 1993; Клейн, 1998; 2013).

Обычно историю каждого народа начинают с вопроса о его происхождении. Между тем такая постановка проблемы представляется несколько некорректной. Более логичным являлся бы вопрос о том, какой древний этнос и по каким параметрам можно сопоставить или связать с современным народом цепочкой этногенетической преемственности, а потом определить когда, где и из каких компонентов он сложился (или из какой общности выделился). Становление и эволюция болгарского этноса является одним из важнейших этапов формирования татарского этноса. Именно в болгарском обществе сложились и развивались важнейшие элементы самосознания, связанные с исламом и городской культурой. Поэтому можно сказать, что татарский средневековый этнос не только базируется на болгарском, но и представляет в определенной степени его развитие, разумеется, с учетом всех других этнических компонентов и соответствующих изменений в сознании и самосознании. Теоретическая значимость постановки данной проблемы связана с тем, что она позволяет изучить соотношение сведений о средневековой этнической общности и сопоставить ее с данными археологии, выявить закономерности и перспективы подобного сопоставления, а также построить теоретическую модель этногенеза средневекового этноса, зафиксировать закономерности его формирования, эволюции и трансформации.

При этом, поскольку одним из основных источников по этнокультурной истории болгар считается археология, то все концепции основываются именно на данных материальной культуры. Проблема, таким образом, лежит в корректном подходе к соотношению археологической культуры и средневекового этноса.

Парадигма лингвистики и этногенетической археологии: становление научных подходов. Данная концепция истории и теории этноса возникла еще на заре развития этнологии, когда проблемой этногенеза занимались в основном лингвисты и этногенез рассматривался просто как аспект истории глоттогенеза.

Основой для реконструкции этнических процессов в тот период развития науки считались лингвистические данные, а язык признавался объективным и определяющим элементом, самой главной сущностью этноса. Теоретические основания этого подхода были выработаны в трудах немецких философов и лингвистов (В. фон Гумбольдт, братья Гримм, И.Г. Фихте). Так, В. фон Гумбольдт, в частности, подчеркивал неразрывную связь между *языком* и *духом народа*, считая, что «язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» (Гумбольдт, 1985, с. 370–381). Эта идея была подхвачена интеллектуалами в разных уголках мира и явно или подспудно присутствует во многих исследованиях по этногенезу до сих пор.

Неудивительно, что в период бурных революционных процессов националстроительства и нового лингвистического пространства язык стал

считаться основной сущностью нации (см.: Хобсбаум, 1998, с. 81–100). Поскольку единственным разработанным и успешно применяемым тогда сравнительно-историческим методом, позволявшим через сравнение языков и выявление в них регулярных языковых соответствий обнаруживать между ними отношения языкового родства и реконструировать формы праязыка, а следовательно, восстанавливать происхождение и древнейшую историю современных народов. Метод, делавший лингвистику в значительной мере исторической наукой, как тогда казалось, давал в то время, когда этнология и археология делали свои первые шаги в области научного познания древних обществ, единственный надежный материал для реконструкции этнических процессов и взаимодействий.

К концу XIX – началу XX в. в гуманитарные науки стали проникать идеи материализма и позитивизма, все отчетливее начал проявляться кризис эволюционной теории с их вниманием к явлениям материального мира. Как ответ на недостатки эволюционизма, отрицавшего миграции и абсолютизировавшего абстрактно-исторический способ изучения культуры, в мировой науке была выработана теория миграций, ставшая основой всех школ и направлений диффузионизма. Сформулированная в антропогеографических трудах Ф. Ратцеля, она приобрела вид последовательной концепции с особой методикой сбора, анализа и изложения материала в работах Ф. Гребнера, впервые разработавшего теорию «культурных кругов». В самом общем виде ее можно сформулировать как идею пространственного перемещения явлений культуры. Все

теории диффузионизма объединяет не только общая основа (философский индетерминизм в форме неокантианских концепций Г. Риккерта), но и общее понимание этнологии как науки о культурах, которые рассматривались сами по себе в отрыве от их творцов и носителей – народов, а также неоромантическое представление об органичном единстве всех элементов культуры этноса как проявлениях «национального духа». Метод Гребнера основывался на изучении и картографировании различных форм материальной и духовной культуры, ареалы которых, в первую очередь вещей, образовывали «культурные круги», свидетельствуя, по мысли автора, о перемещении этих явлений во времени или пространстве. Отсюда отрыв явлений культуры от их создателей, игнорирование активной роли человека и народа и представление о культуре как наборе мертвых, но «саморазвивающихся» вещей (Токарев, 1978, с. 134–168).

Усилиями германского этнолога Г. Коссины, и особенно его учеников, эти идеи были внедрены в археологию (особенно этногенетику) и нашли немало сторонников, например, в первой половине XX в. этот подход отстаивал Г. Чайлд. По их мысли, картографирование элементов древних культур, которые должны были, проходя сквозь исторические катаклизмы, держаться вместе, не разделяясь на части, указывать исследователям ядро этнических культур прошлого. Им представлялось весьма логичным, что племенное родство и единство языка облегчали культурный контакт и конвергенцию, а их отсутствие – затрудняло, то, следовательно, этническая граница большей частью

должна была служить препятствием для распространения типов вещей, а их совпадение – показателем этнической (языковой) общности (см.: Клейн, 2013, с. 128–240). На практике это позволяло исследователям при совпадении границ распределения типов вещей, объектов и других культурных явлений рассматривать их совокупность в качестве проявления этнической (что на практике признавалось тождественной языковой) общности. Это признание того факта, что культурная группа и есть народ, а культурные области – территории определенного народа (Клейн, 2013, с. 200–206). Основой данного метода стало картографирование сходных явлений культуры (чаще всего керамической посуды или женских украшений) и конструирование на этой базе культурно-этнических общностей. Недаром критики этого принципа еще в начале века суть подобного подхода иронично сформулировали как «*ein Volk – ein Topf*» («один народ – один горшок») (Клейн, 1991, с. 147), то есть, более определенно, – «каждому народу – свой горшок». Подобный подход давал теоретические основания к созданию концепции *безусловного совпадения* этноса с археологической культурой и выработке «ретроспективного метода» – стремления проследить этническую преемственность по генетическим связям в материальной культуре (Клейн, 2013, с. 200–205). Декларирование же комплексности при этом мыслилось часто как механическое соединение различных источников для взаимной компенсации пробелов.

Справедливости ради надо все же отметить, что Коссина и его последователи, если и предлагали его, то

скорее как операционный принцип, не защищая открыто и, тем более, не возводя в теорию. В послевоенный период подобный подход на Западе был подвергнут серьезной критике, а Г. Чайлд в 1950-е гг. предпочел своим ранним взглядам более взвешенный подход.

Становление советской археологии: от палеоэтнологии к «археологической этногенетике».

Своеобразным преломлением идей диффузионизма стала советская школа археологической палеоэтнологии (подробнее об этом направлении см.: Генинг, 1982, с. 77–87). Становление ее совпало по времени с внедрением в гуманитарные науки марксизма, которому это направление во многом обязано своими базовыми положениями. После бурных и жестоких дискуссий 1930-х гг. в них утвердился так называемый *принцип историзма*, понимаемый как возможность на основе данных археологии, то есть остатках прошлой материальной культуры, при использовании определенных постулатов исторического материализма и сопоставлений с данными лингвистики, этнографии и письменных источников, реконструировать во всей полноте историю общества как в синхронном, так и диахронном отношении. В силу целого ряда объективных и субъективных обстоятельств идеи диалектического и исторического материализма воплотились в конкретные исследования в крайне вульгарной схематичной форме. Сущность его сводилась к методу «восхождения»: от изучения отдельных предметов и объектов к анализу культур и от него к созданию полноценной картины истории, в том числе и этнической. Иными словами, его сторонники при-

знавали вслед за квазимарксистской идеологией, что все общественные процессы и явления детерминируются социально-экономическим развитием общества, которое определяется, в свою очередь, производственными отношениями, а в конечном счете, орудиями труда. Этот вульгарно-материалистический теоретический постулат позволял марксистским археологам считать, что, изучая орудия труда и предметы быта, они могут, используя несколько простых схем соответствия, получить представление о древнем обществе, его социальном строе и духовной культуре. Отсюда в значительной мере увлечение палеоэтнологов формальными сторонами культуры, особенно ее материальной частью и картографированием различных ее элементов, а также выработкой набора схематизированных процедур подобного «восхождения». Разумеется, при таком подходе история этносов и этнокультурных процессов в древности и средневековье подменялась взаимодействием различных культурно-археологических комплексов.

При декларировании комплексности подхода к познанию этноса, в конкретных исследованиях источником всех этногенетических реконструкций, как правило, становилось изучение материальной культуры, то есть, применительно к прошлому – данных археологии. Именно древности служили основой для этнических реконструкций, а процедуры их создания привели к становлению особого направления – археологической этногенетики (Клейн, 1993, с. 43–44; Ганжа, 1987, с. 137–158). Концептуально она сводится в конечном счете к тем же положениям, что и традици-

онная «археологическая история», но для нее конечным объектом изучения является не социально-экономическое состояние древнего общества, а этнокультурная общность. Характерно, что сторонники данного подхода не единодушны в конкретных схемах интерпретаций и часто полемизируют по их деталям. Однако все они едины в одном: каждой археологической культуре в идеале должен соответствовать определенный и единственный древний этнос, а предметом изучения служат некие «этнические признаки» (как правило, керамическая посуда, украшения и элементы погребального обряда).

У этого подхода есть несколько *ахиллесовых пят*, например таких, как представление об этносе как некой эссенциальной данности (гумбольдтовский «народный дух») или применение для культурных общностей, реконструируемых по данным археологии, терминов «этнос» или «этноязыковая» группа, хотя в большинстве случаев не существует никаких объективных данных ни об их этносе, ни о языке. Эта логическая цепочка неизбежно вела к отождествлению археологической культуры с этносом и позволяла исследователям с помощью синхронного и диахронного картографирования явлений археологических культур – реконструировать то, что они называли «этногенетическими процессами в древности». Неудивительно, что этот подход был воспринят повсюду, где политически ориентированные ученые пытались напрямую связать древние этнокультурные (археологические) сообщества с современными народами (Шнирельман, 1995, с. 3–13; 1996, с. 100–113; Яблонский, 2010, с. 52–63).

Однако надо отметить, что популярный в Европе, особенно в Германии, в довоенные годы, этот метод после войны перестал использоваться западной наукой, будучи дискредитирован связями с идеями нацизма («дух нации» и «культурное превосходство»). Следует отметить, что советские авторы еще в 1920 – начале 1930-х гг. указывали на прямую связь подобного метода с расизмом, этноцентризмом и территориальной экспансией, хотя эта критика и была густо приправлена автохтонистскими идеями марризма и «теории стадиальности» (Шнирельман, 1993а, с. 52–68).

Но в начале 1940-х гг. в СССР произошёл поворот к «советскому патриотизму», за которым скрывался прежний русский национализм и державность. Завершающим аккордом этого перехода стала уничтожающая критика марристского «нового учения о языке» и автохтонизма (Алпатов, 1991, с. 181–200), которая была признана антинаучной *вульгаризацией марксизма*. С этого момента в изучении этногенеза наступил новый этап. Основные его положения очерчены в ходе дискуссии в Институте истории материальной культуры по «преодолению влияния теорий Марра в археологии», когда ведущие археологи СССР, критикуя «теорию стадиальности», формировали новую концепцию этногенеза. Показательно выступление П.Н. Третьякова, который считал, что «нашей задачей является выяснение роли каждого из предков в этногенетическом процессе, определение главного предка или главных предков – носителей языка будущего народа. Полное разрешение этой проблемы достижимо лишь совместными усилиями археологов, лингвистов

и представителей других смежных дисциплин, но именно археологи могут воссоздать конкретную историческую картину далекого прошлого... Применительно к этим эпохам только археологи могут определить состав племен в тот или иной период и указать, какие из них были носителями языка будущей более крупной этногенетической единицы». Хотя далее он подчеркнул, что ошибка Марра, «обусловленная смешиванием языка и культуры, заключается в стремлении отождествить глоттогенез и этногенез, в то время как эти понятия, хоть и тесно связаны между собой, все же не являются тождественными... Происхождение народов нельзя сводить к возникновению языка. Полная картина этногенеза может быть дана не одними языковедами, а лишь их совместными усилиями с историками и археологами» (Федоров, 1951, с. 230–233), однако на практике все эти достаточно верные утверждения свелись в конечном итоге к определению языка и этноса на основе тех же данных археологии.

Развернутая характеристика и процедура этногенетических исследований была сформулирована в конце 1940-х гг. в ходе дискуссии об этногенезе (см.: Токарев, 1949, с. 12–36). На состоявшемся обсуждении М.И. Артамонов, в частности, выдвинул тезис о соответствии определенных археологических культур конкретному этническому образованию: «этнические особенности не ограничиваются языком, а распространяются на другие стороны культуры как духовной, так и материальной», а археологическая культура рассматривалась им как «совокупность признаков этнографического порядка: в рамках

каждой культуры в узком значении этого термина заключается особое этническое образование – племя или народ» (Артамонов, 1949, с. 10–11). С тех пор этногенетические исследования, основанные на методике археологической этногенетики, стали одним из самых популярных направлений в советской науке и в основных чертах развивались в трудах тех или иных авторов с большей или меньшей степенью научности.

В 1960–1990-е гг. стала более многоступенчатой только процедура выявления древнего языка, в основе которой был положен ряд внешне убедительных методов – «ретроспективный» (движение от современного этноса путем поисков культурно близких предшественников к древнему) и «тождества подобия» (сходное означает единообразное). Однако в конечном итоге смысл всех процедур и схем состоял в определении языка на основании сходства явлений материальной культуры сложной цепочки в той или иной степени близких археологических культур, что и означало, таким образом, на взгляд сторонников этого подхода, установление этноса. Торжество этого подхода привело к появлению на страницах археологических трудов фантомов вроде «славянский этнос», «гунно-сарматы», «тюркизированные угры», когда этническая характеристика носителей определенной археологической культуры давалась на основании сопоставления керамики, украшений и деталей погребального обряда, без какого-либо анализа языковых данных.

Можно сказать, выработана особая методика этногенетических исследований. Как бы ни был этот метод противоречив и методически беспо-

мошен, можно сказать, что он играл и играет важнейшую операционную роль в отечественной палеоэтнологии, признается научным значительной частью археологического сообщества и используется до сих пор, хотя и без ссылок на истоки его происхождения от пресловутого косиннизма.

Археологическая культура и этнос: возможности сопоставления. Ключевым элементом методики изучения этнокультурных процессов в древности и средневековье является вопрос об идентификации археологической культуры (или некой совокупности археологических объектов) с соответствующими этносами и их культурами. Как остроумно заметил по этому поводу один археолог-теоретик, «большинство археологов думают, что культура соответствует этносу. И уж во всяком случае все исходят из этого допущения в своей практической работе, даже те, кто выступал и выступает против такого отождествления» (Каменецкий, 1970, с. 35). Но есть ли для такого оптимизма научное основание?

Археологоэтногенетические построения, основанные на этих вполне «рассудочных» и «очевидных» постулатах, базировались на убеждении в безусловной исконности и некой *изначальной данности* этнической группы и ее основные характеристики развивались исключительно в рамках примордиалистских, эссенциальных подходов. Несмотря на все ухищрения, они постоянно кружили в логическом лабиринте, попадая в безвыходные тупики и ловушки. Самый простой пример подобного тупика это попытка, взяв из учебника по историческому материализму

характеристику древней и средневековой *народности*, найти соответствие ей в археологическом материале. А поскольку эту нехитрую процедуру проделывали все, то скоро «археологическая этногенетика» погрязла в бесконечных спорах об «этносе» той или иной культуры.

Бессмысленность подобных операций, прежде всего, стала очевидна этнологам. Именно поэтому большинство из них этот подход отвергают, указывая, что он не выдерживает проверки данными этнографии, и особенно этноархеологии. Многочисленные факты, собранные этнографами при изучении реально функционировавших *живых культур*, продолжающих жить в допромышленную эпоху, наглядно свидетельствуют, что соотношение орудий труда и предметов быта с социальной и этнокультурной общностью чаще всего не имеет такого однозначного соответствия, как представляется некоторым археологам (подробнее см.: Арутюнов, Хазанов, 1979, с. 79–89; Шнирельман, 1982, с. 207–252; 1984, с. 100–113; Арутюнов, 1989, с. 41–50; 1993; Крадин, 2009, с. 23–27). Ссылаясь на многочисленные примеры, они подчеркивают, что теоретически наиболее корректным было бы связывать археологические культуры не с этносами, а с различными хозяйственно-культурными типами или историко-этнографическими областями (Арутюнов, 1989, с. 49; Барт, 2006, с. 9–48), которые лишь в редких случаях совпадают с языковыми подразделениями.

Постепенно, под давлением фактов, отечественные археологи также оказались вынужденными признать реальность миграций и культурных контактов, существования расплывча-

тых культурных границ, наличие переходных и контактных зон, смешанных культур и т.д. Но, отказываясь от признания полного совпадения этноса со всей археологической культурой, сторонники «археологической этногенетики» стремились сохранить главное – соответствие археологической культуры этносу, прибегая для этого к выделению элементов, имеющих этническое значение – «этнических признаков» (или «археологоэтнических типов»). Изучение теоретических постулатов и методических недостатков данной схемы выявило ряд теоретических и логических ошибок, в частности, отсутствие регулярного совпадения произвольно выбранных признаков (керамика и технико-технические способы ее изготовления, форма и типы ее орнаментации, устройство жилищ, украшения, способ погребения и т.д.) с древним этносом, поскольку для каждой эпохи, региона и этнокультурной общности эти характеристики будут оригинальными. Иными словами, древние и средневековые этнические общности и их совпадение с ареалами археологических культур оказываются гораздо более сложными и несводимы к априорно выбранному набору признаков (Кнабе, 1959, с. 243–257; Клейн, 1991, с. 145–153; Шнирельман, 1993; 1995).

Строго говоря, отождествление этноса и археологической культуры базируется на двух постулатах, которые сами требуют обоснования. Во-первых, еще требуется доказать, что конструируемые исследователем археологические культуры представляют собой гомогенные целостности (и явления одного и того же таксономического порядка), четко различающиеся между собой. Поскольку на

практике для вычленения археологических культур ученые нередко опираются не на все их элементы, а лишь на отдельные, так называемые *руководящие (или этнокультурные) типы*, которые якобы и несут этническую нагрузку. Между тем неизвестны не только их вес и значение в живой культуре древнего народа, но и степень их *этничности*, поскольку они встречаются и в других комплексах, а ареалы их распространения довольно часто прорезают границы соседних археологических культур. Во-вторых, в доказательстве нуждается и другой постулат, согласно которому археологическая культура является отражением только определенной социальной реальности, иначе говоря, этнической группы, а не, скажем, более общих этнографических реалий – хозяйственно-культурных типов или историко-этнографических областей. Как свидетельствуют данные, накопленные мировой этноархеологией, и этот постулат весьма отдаленно напоминает встречающуюся сплошь и рядом этнокультурную картину. Все это дискредитирует схематизированные процедуры соотнесения археологической культуры и этноса.

Свидетельством определенно-го кризиса этого направления могут служить некие «теоретические» разработки, еще более затуманивающие суть археологии, как отдельной прикладной науки и окончательно смешивающие ее методы со смежными науками – историей и этнологией. Это проявляется во все более частом декларировании «полиэтничности» археологических культур (например, черняховской культуры или салтово-маяцкой и т.д.). Также явно проявляется тенденция отказаться от

использования для эпохи древности и средневековья понятия «археологическая культура» (иными словами, без должных теоретических выкладок и обоснований ограничивается сфера применения базового понятия археологии как науки) и замена его неопределенными паллиативами типа *скифское время, сарматский культурный горизонт, культура Древней Руси, культура ранней Волжской Булгарии* и т.д. или псевдонаучными конструктами, путающими различные таксономические единицы, например *булгаро-салтовская культура*, которая является частью (или элементом?) *булгарской культуры* и т.д. Все эти попытки ясно показывают желание избежать решения сложных проблем, законсервировать методологическую и методическую нечеткость и расплывчатость, свойственную отечественной археологии в решении проблем этногенеза.

Следует ли из этого, что, как считают некоторые историки и этнологи, сопоставление археологической культуры и этноса в принципе невозможно? Или прав И.С. Каменецкий, что с таким отождествлением следует *условно согласиться*? Представляется, что выход из такой тупиковой ситуации есть. Но состоит он в новом подходе к интерпретации материалов и этнологии, и самой археологии.

Археология как прикладная наука, изучающая материальные остатки и следы деятельности человека (вещественные источники) с целью извлечения информации о прошлом для истории и других наук, несомненно, играет в познании этнических процессов прошлого огромную роль, поскольку в основе ее лежит система методик выявления, сбора и об-

работки археологических источников и преобразование полученной в результате исследований информации. Стало быть, ее задача – извлечь из археологических источников информацию, сделать ее доступной для сопоставления с данными других наук (см.: Клейн, 1978; 2001). При этом только обработанная и преобразованная в ходе археологического исследования информация (т.е. переведенная *с языка вещей на язык исторического источника*) может быть сопоставлена с данными других наук (этнология, антропология, источниковедение, лингвистика и др.) для исследования в рамках древней и средневековой истории. Любые же попытки археологов вывести свои специфические методы за пределы особого предмета своей науки и прямо экстраполировать их на поприще истории – несостоятельны. Особенно это следует подчеркнуть применительно к этническим процессам в древности. Иными словами, данный подход отвергает традиционный упрощенный подход к эвристическим задачам археологии, позволявший археологии вторгаться со своими методами в историю и этнологию, не утруждаясь каким-либо ограничением своих выводов кооперацией с другими дисциплинами.

Рассмотрим подробнее традиционные процедуры соотнесения археологической культуры населения Волжской Булгарии и этноса булгар.

Археологическая культура и этнос волжских булгар: поиски концепции сопоставления. Впервые детальная историко-археологическая концепция происхождения и развития волжских булгар в рамках парадигмы «археологической этногенетики» была создана А.П. Смирновым.

К сожалению, нет возможности отразить весь путь формулирования им своих взглядов на проблему этнической истории волжских булгар, тем более что с первых его работ по этой проблеме до фундаментальных трудов они изменялись и оттачивались, претерпевая порой довольно существенную коррекцию (Смирнов, 1946, с. 37–50; 1951, с. 75–86, 153–166; 1964, с. 3–17; 1968, с. 63–71).

Говоря о населении Волжской Булгарии, А.П. Смирнов подчеркивал его многоэтничность и многокомпонентность, оставляя, впрочем, так и не проясненным вопрос об археологической культуре волжских булгар. Поскольку он являлся сторонником «этнокартографического направления» (Клейн, 1993, с. 145–148), то считал, что археологическая культура (по его мнению, ею можно считать совокупность «памятников одного времени, расположенных на строго очерченной территории и отличающихся своеобразными чертами материальной культуры» (Смирнов, 1964, с. 6), могла быть определена на основании изучения лепной посуды и, с некоторыми оговорками, погребального обряда, с помощью картографирования сходных типов, и отражает реалии этноса и языковые границы. Применяемое в отношении памятников первобытного общества, это понятие было, по его мнению, неприложимо к памятникам периода средневековья (Смирнов, 1964, с. 3–14; 1968, с. 63–71, прим. 38). В его концепции, таким образом, возрождался и обосновывался метод Косинны. Подобный негативизм в отношении теоретических оснований базового понятия археологии, присущий всем сторонникам теории «восхождения», приводил к фактическому

отказу от целостного анализа археологических реалий периода средневековья и нарушению самой процедуры изучения этноса на основе археологических данных, даже в узких и схематичных рамках советской «археологической этногенетики».

Новое, более логичное, полное и последовательное, изложение «булгаро-татарской» концепции осуществил в ряде своих трудов А.Х. Халиков. Он не только описал основные параметры болгарской материальной культуры (хотя и не распространял на средневековую Болгарию понятия «археологической культуры»), но и связал ее с болгарской «народностью» (Халиков, 1989; 2012). Суть его концепции, развивавшейся в рамках типичной методике «археологической этногенетики» и, принятого в советской науке, строго говоря, примордиалистского понимания сущности этноса, выражалась в основной посылке: «Обязательным условием сложения этнических общностей высокого порядка типа народности или нации следует считать наличие общей территории, единого государства, установление тесных экономических связей между отдельными районами этой страны, сходство или однотипность быта и культуры сливающихся в народность этнических групп, и наличие общего или, по крайней мере, понятного всему народу языка. Побочными факторами, способствовавшими этнической консолидации, могут служить такие надстроечные категории, как религия, система письменности и т.п.» (Халиков, 1989, с. 87). Исходя из такого понимания сущности этноса, методика определения характерных черт «средневековой народности» была им сведена, по сути дела, к поиску в источниках

несистемных доказательств единства материальной культуры, территории, языка и самосознания. На этом теоретическом основании автор постулирует возникновение *болгарской народности*.

По мере углубленного изучения болгарских древностей стало понятно, что единство археологической культуры и ее сопоставление с этносом требует специального изучения. В последнее время болгароведами взят курс на усложнение этого анализа. Но в реальной практике данная стратегия привела лишь к фрагментации и дроблению единого пространственно-временного континуума культуры на отдельные сегменты. В результате отдельные фрагменты болгарской культуры стали эксплицитно приобретать статус «культур». То есть термин «археологическая культура», который в отношении всей территории Волжской Булгарии отвергался, на практике применялся к ее элементам (иногда под видом *типа керамики*, форм украшений или погребального обряда). Одновременно к этим сегментам единой болгарской культуры стала применяться, когда открыто, а чаще неявно, этническая характеристика.

Концепция «археологической этногенетики» в современных исследованиях по археологии Булгарии, стала приобретать все более шаблонный и формальный характер в определении *атрибутов и признаков* «феодальной болгарской народности» при сложившейся «единой общеполитической материальной и духовной культуре» (см.: Хузин, 1997; Хузин, 2006, с. 50–53). Так, постулируемая «единая общеполитическая культура», в полном соответствии с этой же самой методикой,

оказывается на деле многокомпонентной и не соответствует какому-либо определенному этносу. Однако в таком случае, разрушается не только единство болгарской народности, конструируемой на основе *объективных* археологических данных, но и теоретическая монолитность теории «этногенетики», которая постулирует соответствие каждой археологической культуре только одного и единственного этноса. Расплывчатый, неоправданно широкий и зависящий от контекста употребления, термин «болгарская народность», используемый сторонниками «археоэтногенетики», таким образом, можно понимать двояко: и как все население страны, и как особую этническую общность. Но при такой постановке проблемы исчезает внятность изложения и теоретическая определенность самого метода «восхождения». Ведь, если на территории Булгарии сохранялась «этническая пестрота», но при этом археологическая культура населения страны оставалась *достаточно единообразной*, то остается неясным, как этот факт примирить с многословными доказательствами, что именно сложение этой единой культуры и является одним из решающих доказательств формирования болгарской народности. Этот логический порочный круг авторы стараются не замечать, закрывая глаза на его противоречия.

Теоретическую небрежность и недостатки методики «восхождения» можно продемонстрировать, в частности, на примере конструирования некоего «финно-угорского этноса» на территории Булгарии. Этот «этнос» не только якобы постоянно пополнялся за счет регулярной инфильтрации угров и финнов из Прикамья и Зауралья (Ка-

заков, 1997, с. 33–53), но и составлял в якобы Булгарии определенный массив языческого населения (Руденко, 1998, с. 17). Наиболее четко и определенно эту мысль сформулировал Е.П. Казаков, утверждая, что «на болгарских поселениях в массе фиксируются новые группы круглодонной керамики, появившейся в Среднем Поволжье от носителей петрогромской культуры из районов Среднего Урала. Тесное взаимодействие постпетрогромского и болгарского населения очень скоро привело к возникновению гибридных групп керамики. Последняя сохраняет прежнюю форму и орнаментальную композицию, но оттиски веревочки и гребенки заменяются характерными для посуды болгар резными линиями. На многих болгарских поселениях постпетрогромская керамика и ее болгаризированные гибридные варианты существуют до XIV в. Это объясняется, скорее всего, не столько стойкостью этнографических проявлений уральского населения, участвующего в этногенезе болгар, сколько постоянными контактами волжских болгар с огромным миром их восточных соседей» (Казаков, 1992, с. 314). В другой статье он, упоминая об этой же керамике прямо связывает ее с некими этноязыковыми общностями Булгарии: «... группа новообразованной посуды отмечается практически на всех памятниках волжских болгар... По форме и композиции орнамента она сохраняет черты постпетрогромской посуды среднеуральских угров, переселившихся в Волжскую Болгарию в конце X в., однако исчезновение в тесте примеси из толченых раковин, замена веревочно-гребенчатой орнаментации резной, применение иногда ручного круга в формовке и т.д.)

свидетельствует об изготовлении ее болгаризирующимися уграми (sik! – И.И.)» (Казаков, 1999, с. 227). Довольно четкое, ясное и исчерпывающее изложение метода «археологической этнологии» в научной практике. Автор прямо и без излишних теоретических изысков, которые в таких случаях довольно обычны для советских археологов, на основе изменений деталей оформления керамической посуды *определяет* нюансы освоения зауральскими уграми тюркского языка. Из этого пассажа с очевидностью следует, что автор считает, что создатель указанной средневековой посуды по мере освоения тюркской лексики все меньше и меньше добавлял в тесто сосуда толченую раковину, демонстрируя изменение своей идентичности. Следовательно, по Е.П. Казакову существует какая-то связь между раковинной в посуде и угорским языком, а поскольку этнос в первую очередь характеризует не язык, а самосознание, то, видимо, раковина в посуде определяет и этническое самосознание неких «угров». Неясно только какое. Ведь о нем ничего не известно. Не говоря уже о том, что для целого ряда «угорских этносов» она вообще не характерна (критику подобной интерпретации см.: Хузин, 2008, с. 11–22; Белых, 2013, с. 100–105).

Таким образом, основываясь на факте наличия среди материала болгарских памятников некоторых «финно-угорских находок», авторы пытаются сконструировать некую *общность* финно-угорского населения, якобы компактно проживавшего на территории Булгарии и имевшего свою культурно-археологическую специфику (типа, например, фантомной «постпетрогромской культуры»).

Чаще всего в качестве доказательства указывают на некоторые украшения и детали одежды, восходящие к финно-угорским прототипам, наличие среди керамической посуды определенного процента сосудов с некоторыми чертами финно-угорского гончарства (чаще всего отмечается наличие примеси пресловутой раковины в тесте или специфические элементы орнаментации), а также, отмечая «прикамское» происхождение ряда антропологических серий из болгарских могильников. По сути дела, все авторы, следующие этой гипотезе, с разной степенью определенности постулируют отсутствие единой болгарской археологической культуры или представляют ее в виде конгломерата (разной степени единства и общности) культур, носители которых проживали на территории Булгарии.

Достаточно ли весомы эти свидетельства, чтобы признать доказанным факт «этнической пестроты» населения Булгарии, не говоря уже об «этнической метизации» болгар финно-уграми? Бронзовые украшения и детали одежды действительно являются важной частью этнографического костюма и могут служить одним из способов этнической идентификации, но не всегда, не везде и не каждая вещь. Для того чтобы уверенно относить все зооморфные или шумящие подвески, привески или бронзовые пронизки именно к костюму какого-либо финно-угорского племени, необходимо предпринять более строгий и детальный их совокупный анализ с выделением этноопределяющих элементов костюма. Пока же ссылки исследователей на наличие некоторых предметов «небулгарского» происхождения *в целом* не убедитель-

ны (подробнее см.: Измайлов, 2007, с. 5–17).

Можно привести гораздо больше примеров подобных методических допущений и ошибочных доводов в отношении керамического комплекса, данных антропологии и т.д., но и без этого ясно, что методика «археологической этногенетики» достаточно односторонне трактует археологические факты в этническом аспекте. «Квадратура круга» теоретических и методических положений «археологической этногенетики» связана, в первую очередь, с некорректностью терминологии и нечеткостью метода. Отсутствие четко определенного понятия «археологическая культура» и ее соотношения с этносом (например, болгарская археологическая культура = культура населения Волжской Булгарии = болгарский этнос), а также непротиворечивое описание метода их сопоставления, ведет к весьма расплывчатым характеристикам, которые, как правило, не являются ни чисто археологическими, ни строго этнологическими. Нечеткость определений, в свою очередь, ведет к произволу в рассуждениях и амбивалентности доказательств, а в конечном счете и к сомнительным, некорректным выводам.

Можно констатировать, что традиционные методики теории «восхождения», ставшие основой для концепции «археологической этногенетики» не в состоянии дать убедительного решения вопроса о параметрах и характеристиках средневекового этноса. Несомненно, что на этапе становления науки концепция «археологической этногенетики» сыграла важную роль в деле разработки проблем этногенеза народов, не имевших своей письмен-

ной истории, но по мере развития этнологии стали все отчетливее видны ее изъяны. Упрощенное понимание процедур реконструкции древнего этноса и выстроенная на этом понимании методика археологических исследований вступила в противоречие с современными представлениями об этносе и этнических процессах.

Открытие все большего количества новых фактов, которые не укладывались в старые теории, уточнение и усложнение терминологии и методики (особенно этнологической и археологической) – все это требует применения передовых научных концепций и создания новых объяснительных моделей. Предполагается, что новая парадигма становления и развития болгарской этнополитической общности, не отбрасывая накопленную более ранними теориями фактологическую базу, синтезирует ее и, вырабатывая свои подходы к решению конкретных проблем, устранил свойственные прежним моделям противоречия, а также даст последовательное и методически единообразное объяснение всей совокупности фактов. Отправной точкой данного исследования должно стать изучение сведений о болгарском этносе, а не данных археологии. Но для этого следует определить, что понимается под термином «этнос».

Этничность: **ключевое определение этноса.** Проблема определения этноса и его критериев одна из самых актуальных и спорных в этнологии. Особенно активно проходит этот процесс в отечественной науке. Здесь еще недавно господствовала парадигма, четко устанавливавшая градации этнических общностей по социально-экономическим формациям и

постулирование определенных элементов, присущих им. Это так называемая советская «этническая триада» («племя-народность-нация»), каждый элемент которой был жестко закреплен за определенным общественно-экономическим строем. Из-засвоения схематизма и шаблонности эта триада активно использовалась в работах палеоэтнологов, при этом часто отнесение какого-либо этноса к периоду феодализма уже позволяло конструировать общность на основе методологии исторического материализма. Безраздельно господствовавшая в советской науке эта *триада*, так и не нашла подтверждения ни в реальном этнографическом материале (Шнирельман, 1982, с. 207–252), ни поддержки в современных теоретических разработках (Smith, 1986; *Nationalism*, 1994; Хобсбаум, 1998; Коротева, 1999; Смит, 2004).

Работы теоретиков этнологии (Э. Ренана, М. Вебера, Э. Геллнера, Э. Смита, Э. Хобсбаума, Б. Андерсона и др.) убедительно демонстрируют, что сущность этничности лежит в области коллективного сознания, оно изменчиво, многопланово и структурировано; оно определяется результатами социальной практики, а не задано изначально, как некая эссенциальная данность (Дробижева, 1985, с. 3–16; Хобсбаум, 1998; Смит, 2004; Барт, 2006, с. 9–48).

Тем не менее современная наука не выработала единой генерализирующей точки зрения на сущность этноса и этничности. Есть довольно много концепций и их классификаций. Одно из наиболее удачных определений, очевидно, дал Э. Смит, который считал, что этнос – это «группа людей,

имеющая имя, мифы об общих праотцах, общие исторические воспоминания, один или несколько элементов общей культуры, связь с родиной и определенную степень солидарности, по крайней мере, среди элиты» (Smith, 1981, p. 66). Иными словами, в современном научном сообществе растет понимание того, что ключевым критерием в определении этноса является его самосознание. Именно этническая идентификация, противопоставляющая себя всем другим народам, и делает некий коллектив людей общностью, а отнюдь не пресловутое единство языка, территории и культуры, которое является лишь необходимым, но далеко не достаточным условием этого.

В ряде этнологических трудов принято разграничивать, с одной стороны, этнообразующие факторы, обуславливающие само появление этноса (общая территория, государственность, властвующие сословные корпорации, язык, письменность и т.д.), а с другой – собственно этнические признаки. Этничностью, тем самым, является осознание определенной группой своей идентичности, своих отличий от других коллективов и формой взаимодействия с подобными группами (Крюков, 1976, с. 42–63; Крюков и др., 1993, с. 376). Именно такое представление о структуре свойств этноса, заставляет считать, что, вопреки мнению ряда историков и археологов, говорить о завершении процесса формирования этноса позволяет не возникновение тех или иных культурных особенностей определенной этнокультурной группы, а появление отчетливого самосознания своей общности и отличия от других. В самом общем виде, таким об-

разом, процесс возникновения этноса можно представить как под влиянием некоторых внешних факторов (государственность, хозяйственные и культурные связи и т.д.) из нескольких (нередко разнородных) этнических (часто имеющих родовые связи) компонентов формируется новая культурно-историческая общность. В период ее сложения постепенно и не одновременно возникают признаки, объективно отличающие ее от других синхронно существующих этносов. Наконец, когда эти черты отличия становятся достаточно ощутимыми, они осознаются социумом, формируя представления о своем внутреннем единстве и общности, которые в самом общем виде формулируются в самоназвании (этнониме).

Теоретические исследования показывают сложный, иерархический характер этнического самосознания, которое определяется, хотя и достаточно опосредованно, факторами, формирующими этнос и его признаки, одновременно являясь осознанием сообществом совокупности своих национальных (этнических) признаков (культуры, языка, территории, истории, религии, государственности, образе жизни и обычаях) и интересов, а также оценочным к ним отношением. В самой структуре этнического самосознания исследователи выделяют целый ряд элементов: этническое самоопределение (в средние века чаще всего неотделимое от этнополитической, этносоциальной или конфессиональной идентификации), которое часто рассматривается как важнейший, чуть ли не единственный индикатор (Козлов, 1974, с. 79–92; Дробужева, 1985, с. 3–16), поскольку он (хотя и опосредованно, и выборочно)

опирается на базовые ментальные категории социума, такие как «картина мира», представления о типичных чертах собственной общности и ее свойствах, осознание общей исторической судьбы, а также понятия о «родной земле», государственном (и/или этнополитическом, этносоциальном, конфессиональном) единстве и специфических интересах своей общности, ее месте в мире и «образе других». Все эти структуры ментальности на уровне этноса являются на просто суммой образов и понятий, а представляют собой целостное явление и одновременно выражают ценностное к ним отношение. Результатом всех этих представлений, идентифицирующей всех членов общности, и является этноним – своеобразное безотчетное обозначение себя («Мы»), разграничение себя среди и от других («Они») (Крюков, 1976, с. 60–63). В теории социального конструирования именно идентичность (как личная, так и коллективная) является ключевым элементом в разграничении и выделении себя от других и в этом качестве является частью более общего ментального универсума с его архетипами сознания и теоретическими легитимациями действительности (реальной, либо воображаемой), изменяясь вместе с ним.

Несомненно, что идентичности формируются социальными процессами. Однажды выкристаллизовавшись, они поддерживаются, видоизменяются или даже переформируются социальными же отношениями. В этой связи процесс этногенеза выглядит как постепенное приобретение общностью характерных признаков, дифференцирующих ее от других этносов, и осознание своей идентич-

ности через особый этноним. Самоназвание (эндоэтноним), которое не всегда совпадает с именем, данным ему соседями (экзоэтноним), является не только символом внутреннего единства этноса, но и важнейшим внешним проявлением этнического самосознания (идентификации). Именно анализ этнонима и стоящего за ним самосознания, а не бессодержательная лингвистическая эквивалировка различными названиями, дает исследователю ключ к пониманию последовательной эволюции этноса, как его постепенной трансформации или череду «взрывов» этничности, ведущих к коренной их смене и формированию нового этноса (Крюков, 1976, с. 42–63; Дробижева, 1985, с. 3–16; Коротеева, 1999).

Следует подчеркнуть одну особенность средневекового общества – оно было сословно-классовым. Культура этого общества также носила не всеобщий («общенародный»), сословный и стратифицированный характер. В принципе, даже религиозные верования под сенью мировых религий были многоуровневой системой. То же можно сказать соответственно об одежде, бытовой культуре и даже языке. Очевидно, что и идентичность в средневековом обществе имела сословный характер (например, см.: Элита, 1993; Социальная идентичность, 2007). Элита общества (военно-служилая элита и духовенство) имела в основании своей идентичности общегосударственные, надобщинные и цивилизационные аспекты. Монархи и знать, связанные между собой системой родства, были единой корпорацией, владевшей территорией своего государства и часто идентифицировала свое государство как свое

владение. Соответственно родовое имя правителя становилось названием государства (владения), определяя идентичность всей элиты. «Картина мира» феодальной элиты наиболее близко подходит по всем параметрам к тому, что современные историки именуют «этническим самосознанием». Податное сословие, как правило, имело общинную и религиозную идентичность. За редким исключением оно не поднималось до осознания своей государственной общности и ограничивалось осознанием своей религиозной принадлежности, противостоящей другим верованиям.

Отсюда можно сделать вывод, что в современной этнологической науке ведущим и наиболее важным показателем этноса считается идентичность (для средневековья – это этносоциальная самоидентификация), позволяющая судить о процессе трансформации данной этнической общности. Применительно к исторической этнологии (или палеоэтнологии) это требует, следовательно, на основе тщательного изучения всего комплекса источников исследовать ментальность древнего и средневекового населения, выявляя элементы и символы его этничности и создания модели этнического самосознания (примеры подобного анализа см.: Литаврин, 1982, с. 49–82; Наумов, 1987, с. 107–116; Литаврин, Наумов, 1991, с. 285–313; Крюков и др., 1979; 1984; 1993).

Этот вывод одновременно означает, что в случае отсутствия собственных нарративных источников, на основании которых можно реконструировать основные элементы и символы ментальности древнего общества, мы вообще не вправе судить об эле-

ментах и символах его этничности. Но поскольку в большинстве случаев письменные источники появляются в сравнительно поздние периоды истории (античность или средневековье), то характер более ранних по времени этнических процессов может быть восстановлен на основе комплекса иных источников только в самом общем виде, причем результаты этих исследований иногда невозможно соотнести с выводами, сделанными посредством анализа письменных памятников. Поэтому, строго говоря, этническая история народа может быть с уверенностью реконструирована лишь на отрезке, соответствующем хронологической глубине нарративных источников. Оптимизм археологов и этнографов, порой уверенных в возможности изучения этнических процессов бесписьменных периодов истории народов, представляется в очень значительной мере преувеличенным (Крюков и др., 1993, с. 372–374; Арутюнов, 1982, с. 49).

Этническая археология: структура метода. Увлекаясь этническими сопоставлениями и придавая преувеличенное значение этническим чертам, сторонники «археологической этногенетики» часто обедняют само представление об археологической культуре, как отражении различных сторон жизни древнего общества (не уделяя внимания, например, социально-экономическим процессам, влияющим на смену культур; роли в древних обществах субкультур, таких как дружинная культура; конфессиональному фактору и т.д.). Соответственно они не отдают себе отчета в сложности соотношения между этносом (этничностью древнего населения) и его отражением в археологических (мате-

риальных) следах и остатках, требующих специальной процедуры сопоставления и моделирования, которая разрабатывается этноархеологией (Binford, 1962, p.217–225; Trigger, 1978; Gould, 1980; Шнирельман, 1984, с. 100–113; 1988, с. 95; 1993; 1995, с. 141–152). Исследования этноархеологов доказывают, что необходимо отказаться от прежнего упрощенного взгляда на процедуру реконструкции древних обществ. Методика подобного анализа должна включать изучение этничности реально функционировавшего общества и выявлять определяющие параметры, которые сохранились или могли сохраниться в археологических следах и остатках, в выделенной исследовательским путем археологической культуре.

Обычно этноархеология имеет дело с археологическими остатками «живых» культур и обществ, изучение которых позволяет проверить и уточнить выводы, разрабатывать модели возможного сопоставления и реконструкций этнокультурной ситуации. Между тем чаще всего археологи сталкиваются с изучением древних обществ, чья культура имеет ископаемый, фрагментированный и условно динамический характер, и не имеют подобных проверочных данных. Это ведет, с одной стороны, к произвольной трактовке выбранных исследователем «археолого-этнических» критериев, определение которых часто основано на индукции и пресловутом «здравом смысле», своего рода «шаблонном» подходе к изучению древних этносов, а с другой – к отказу части ученых от использования археологических источников как материала для этнических интерпретаций. Вопрос о возможности и соот-

ответственно корректности процедур этнополитического моделирования на основе данных археологии для периодов древности и средневековья может быть решен только при использовании специальной методики, близкой к этноархеологической. Появившиеся в последнее время добротные исследования, построенные с учетом данного подхода и демонстрирующие его эпистемологические возможности, позволяют пересмотреть традиционную методику историко-археологических исследований по этнической истории древних и средневековых народов (Петрухин, Раевский, 1998; Напольских, 1997).

Основой для подобной системной этноархеологической методики является изучение средневековой ментальности как источника сведений о ключевых аспектах этнополитических представлений. Распознав этнический контекст, можно выделить в нем элементы, имеющие этнокультурную и этносоциальную значимость, а среди них те признаки и артефакты, которые могли бы быть зафиксированы археологически. Только после этого становится целесообразным обратный путь рассмотрения типологизации этнокультурных явлений археологической культуры, но только под углом зрения выявленного этнического контекста и как способ его уточнения. Теоретически это означает определение архетипов прошлой культуры, которые могли и должны были найти отражение в археологической культуре и восхождение от них, используя правила и методы соотнесения, к реконструкции прошлой этнокультурной ситуации. Подобная стратегия является адаптацией, применительно к археологии и палеоэтнологии, методики, разра-

ботанной Л.С. Клейном для выявления архетипов культуры и уточнения группировки археологического материала (Клейн, 1991, с. 223–231, 344–347; 2013, с. 353–382).

После осознания всех этих теоретических сложностей специфика изучения собственно средневековой этничности даже при явном дефиците полноценных источников представляется вполне разрешимой. Требуется только отказаться от монологического исследования и перейти к комплексному изучению проблем этногенеза.

Средневековые болгары: конфессиональная и этнополитическая общность. Основой для подобного анализа является изучение средневековой болгарской ментальности как источника сведений о ключевых аспектах этнополитических представлений. Рассмотрение аутентичных исторических источников, элементов историографической традиции и фольклорных материалов позволило реконструировать основные, значимые для этноса, представления. Можно считать, что анализ различных аспектов этнополитического самосознания волжских болгар X–XIII вв., сохранившихся в исторической традиции (историографической и фольклорной), показывает их связь с реалиями существования народа, а также уровнем его политических притязаний. Рассмотрение их позволило сделать вывод о явных интеграционных тенденциях, причем на новой основе – исламского государства. Подтверждение этому можно найти в практически полном игнорировании в сохранившейся традиции языческих и племенных элементов, а фигурирующие в них реминисценции (эпонимы, элементы архетипичных представле-

ний и т.д.) не более чем вкрапления в структуру исламских представлений. Одновременно на первый план в них вышли такие компоненты новой политической системы, как осознание своей связи с правящей династией, которая распространяется на все население, связи с территорией страны – понимаемой как отечество для всего населения, единство которого осознавалось не просто как кровное (от единого предка, причем на первый план в этих традиционных архаичных образах выходит коранический, а не общетюркский пантеон), а как духовное. Оно явно понималось как общность, возникшая в прошлом благодаря «перерождению» народа после принятия ислама и становления государства (обретение независимости в борьбе, появлении новой династии и т.д.) и осознания своего места в исламском мире. Это означает, что этнополитическое единство осознавалось не в категориях родо-племенных, а наоборот, резко противостояло им, делая упор на новую религиозную и социальную общность (Измайлов, 1996, с. 97–113; 2001, с. 93–119).

Подобное осмысление истории народа означает понимание принятия ислама как «рубежного» события, оказавшего влияние на все стороны его жизни. Дело даже не столько в признании единственными лишь исламских предков, а в представлении о том, что с тех пор все народы, вошедшие в государство болгар, потеряли свою этническую специфику. Они как бы «переплавились», получив себе в правители болгарских царей, приняв ислам и участвуя в борьбе за отчину, в новую «болгарскую» общность. Весьма вероятно при этом, что на уровне обыденного сознания термины

«болгар» и «мусульманин» выступали в качестве синонимов, причем как у самих болгар, так и у их соседей. Отсутствие других генеалогических версий, возможно, также свидетельствует о ее общепринятости (во всяком случае, в официальном историописании) и укорененности в сознании народа в «узловых» моментах (принятие ислама, единая историографическая традиция, династия и т.д.). Анализ различных аспектов этнополитического самосознания волжских болгар X–XIII вв., сохранившихся в исторической традиции (историографической и фольклорной) показывает их связь с реалиями существования народа, а также уровне его политических притязаний. Рассмотрение их позволило сделать вывод о явных интеграционных тенденциях, причем на новой основе – исламского государства. Ведущими элементами этой новой политической системы, стали представления, связанные с этносоциальным и этнополитическим единством элиты общества. Данная система представлений и ценностей являлась не патриархальной и родовой, а надобщинной и государственной. Носителями ее были, несомненно, наиболее социально и политически активные члены нового общества: феодальная элита – военно-служилая знать, духовенство и городской нобилитет. Именно появление и становление этих слоев общества символизировало интеграционные процессы в политике, хозяйстве и культуре в эпоху развития феодального государства, роста городов, складывания литературного (общепонятного) языка. Самоидентификация выразивших эти тенденции новых слоев общества нашла концептуальное отражение в трудах, обслуживаю-

ших их культуру философов и хронистов, основные концепции которых, в свою очередь, оказывали определяющее, хотя и опосредованное влияние на характер ментальности широких народных масс (см.: Измайлов, 2000, с. 99–105).

Следует особо подчеркнуть некоторые важные моменты. Хотя этнополитические воззрения «безмолвствующего большинства» народа известны довольно плохо, судя по генеалогиям XII–XIX вв., они не выходили за пределы представлений о единстве своего рода (совокупности семей, населения определенной местности и т.д.) и в них уже заметно влияние официальной исторической традиции (осознание себя как выходцев из болгарских городов, связь с правящей династией – введение в шеджере именно болгарских правителей и т.д.). Кроме того, следует учесть, что для оценки средневековым человеком своего индивидуального духовного и практического опыта важно было обращение к традиции, то есть детерминация своего опыта в категориях коллективного сознания, освященном в социальном ритуале, в образцах поведения и литературной традиции. Точно также для проверки собственного понимания своего места в социуме (государстве) отдельный род или семья обращалась к официальной исторической традиции, освященной религией. Понятно, что это не происходило путем приобщения к историографическим текстам, видимо, гораздо чаще это были более адаптированные для восприятия народом формы (легенды, сказания, притчи и т.д.), но при этом они определенно следовали единой концептуальной схеме. Разумеется, самосознание на-

рода и социальных верхов общества нельзя считать полностью идентичным. Говоря о менталитете населения Волжской Булгарии, в том числе и этнополитических его аспектах, следует помнить, что оно было многоступенчатым и парадигмальным. При этом уровень понимания своего единства во многом зависел от социального статуса его носителей: общеполитическое общегосударственное мышление было более характерно для социальных верхов, тогда как местное, общинное – для низов общества. Иными словами, народное сознание играло активную роль в определении местного социума, для которого органичны были идеи родства, связей и отличий от соседних общин («общинный микрокосм»), тогда как в сфере знати, религиозных деятелей, купечества основное влияние имели официальные (профессиональные) общегосударственные концепции. И именно на них равнялось местное простонародное сознание, а лейтмотив этнополитического единства болгар, составляя основу идейного арсенала интеграционных тенденций в обществе, пронизывал все компоненты общеполитического мировоззрения. Все это позволяет с уверенностью говорить, что выявленные в результате анализа аспекты этнополитических автостереотипов (связь с династией, представление о едином прошлом и своей миссии и исламском мире и т.д.) в той или иной мере были распространены в среде населения средневековой Булгарии, особенно ее наиболее социально активной части.

Отсюда можно сделать вывод, что рассмотренные выше аспекты сознания, несомненно, достаточно точно характеризуют данную общность че-

рез призму ее собственных взглядов. Можно считать доказанным, что часть населения Среднего Поволжья X–XIII вв., осознавая себя связанной определенными обязательствами с правящей династией и подвластная ей, исповедующая ислам и следующая своей особой миссии в мусульманском мире, жившее в пределах одного государства и считавшее его землей для себя отчизной, – именно это средневековое население Волго-Уральского региона определенно называло себя «булгарами». Эти черты, характеризующие общеповолжское сознание, и были зафиксированы в официальной историографической традиции. Особо следует подчеркнуть, что другие объективные элементы общности, выявленные археологически и исторически, такие как общность языка, бытовой культуры, погребальной обрядности, хозяйственной деятельности, скорее всего, не создавались или же не считались дифференцирующими. Проведенный анализ показал, что ведущим в этом вопросе само население Булгарии (в первую очередь элита) в домонгольский период считало единство династии, населения и родной земли, а также религии и рассматриваемого через ее призму прошлого. Таким образом, данная модель показывает, что «булгарская идентичность» была сложным многослойным явлением.

Археология Булгарии: изучение конфессиональной и этносоциальной общности. Кроме письменных источников в нашем распоряжении есть чрезвычайно важные археологические материалы, которые позволяют судить о распространенности ислама и его ритуалов у булгар. Достаточно отметить два факта. Для

булгарских памятников X–XIII вв. характерно практически полное отсутствие костей свиньи. Например, среди остеологических материалов из Билярского городища за время раскопок 1967–1971 гг. (всего обнаружено 9606 костей) их вообще не выявлено, нет костей свиньи и на других памятниках (Петренко, 1976, с. 228–239; 1979, с. 124–138; 1984, с. 66–69). Высокая статистически представительная выборка материалов и ее поразительная стерильность в отношении костей свиньи как среди материалов городских, так и сельских поселений, учитывая факт широкого распространения свиноводства в более ранний исторический период и в соседних с Булгарией регионах, позволяет сделать вывод о повсеместном и строгом следовании булгарами предписаний и запретов ислама.

Еще более выразительно о распространении и характере ислама позволяют судить могильники волжских булгар, погребения которых совершены по мусульманскому погребальному обряду. Булгарские могильники были скрупулезно и всесторонне проанализированы Е.А. Халиковой, что позволяет опираться на ее выводы по этой проблеме (Халикова, 1986, с. 43–132). Мусульманский погребальный обряд населения Булгарии X–XIII вв., по ее данным, можно реконструировать так: глубина могильной ямы до 1 м, могильная камера без ляхда, стенки ямы отвесные или с небольшим наклоном, иногда на дне ямы фиксировался подбой, погребенный был ориентирован головой на запад, запад-северо-запад или запад-юго-запад, иногда умерший хоронился в гробу или деревянном ящике с перекрытием, умерший, как правило, клался в могилу с некоторым

поворотом туловища на правый бок, лицом, обращенным в сторону Мекки (редко на спине и лицом вверх), руки умершего лежали: правая вдоль тела, левая сдвинута на таз (реже обе вытянуты вдоль тела или полусогнуты), ноги чаще вытянуты (реже согнуты, полусогнуты или одна из них полусогнута). Вещи в погребениях, как правило, отсутствуют, хотя иногда встречаются, но не как элемент одежды, а, очевидно, как поминальный дар. Этот «классический» (канонический для Булгарии) обряд начал распространяться в Булгарии в конце IX – начале X вв., в первой половине X в. он господствовал в среде горожан, а в отдельных регионах – уже в начале XI в. (Халикова, 1986, с. 137–152). Можно подчеркнуть, что с рубежа X–XI вв. языческие могильники на территории Булгарии уже не известны (Халикова, 1986, с. 150). Выводы эти в основном выдержали испытание временем и дополнены изучением представлений о смерти у болгар и их влияния на формирование болгарского погребально-го обряда (Измайлов, 2008, с. 4–41).

В настоящее время известно примерно 59 могильников по всей территории Булгарии (Предволжье, Предкамье, Западное и Центральное Закамье и бассейн р. Малый Черемшан), на которых вскрыто более 970 погребений, совершенных по мусульманскому обряду и при этом не обнаружено ни одного не только могильника, но даже и единственного языческого погребения. Все эти факты весьма ярко и недвусмысленно свидетельствуют о повсеместном распространении ислама и глубине его проникновения в народную культуру (Измайлов, 2010, с. 87–100).

Важность этих материалов в том, что они позволяют оценить реальность представлений, выраженных в исторической традиции. По сути дела, полное господство ислама и исчезновение разнообразных языческих культов, распространенных в предшествующий период, а также строгое следование мусульманским запретам (отсутствие костей свиньи и т.д.) свидетельствует о растворении различных этнокультурных групп в единой мусульманской среде.

Рассмотрение культуры болгарской элиты имеет много гносеологических сложностей. Методика изучения этносоциальной общности слабо разработана. Примитивные социологические схемы анализа, как выяснилось, весьма не продуктивны для анализа средневековых обществ. Требуются иные подходы, чтобы проанализировать социальную реальность в этих условиях. Для Волжской Булгарии подобный анализ был выполнен на основе наиболее репрезентативных комплексов находок. Был изучен комплекс вооружения и выявлен элитарный набор оружия. Динамика его развития позволяет говорить о постепенной его эволюции до формирования контингентов конных латных копейщиков, которые характерны для рыцарской кавалерии других средневековых государств Восточной Европы (см.: Измайлов, 1997, с. 131–149).

Анализ археологических материалов позволил сделать вывод, что в Булгарском государстве выявляется целый ряд важнейших для ее государственности символов власти, подчеркивавших его суверенность и самостоятельность (Измайлов, 2009, с. 18–34). Среди всех находок выявляется группа знаков-тамг (в виде графемы

рунического алфавита – «А-тамги»), которые встречаются как на социально престижных предметах (монеты, оружие) и межевых (пограничных) знаках, так и на массовых изделиях (гончарная посуда) в виде клейм и прочерченных знаков. Подобные знаки определенно являлись символами правящего в Булгарии рода, маркируя его собственность и символизируя свой суверенитет. Это заставляет считать, что Булгария имела развитую систему государственных символов, включая владельческий знак корпорации родовой булгарской знати.

Выявление совокупности престижных предметов, характеризующих субкультуру булгарской элиты, продолжается. Например, среди украшений выделяются золотые и серебряные височные трехбусинные подвески. Они известны в виде драгоценных дорогих изделий, украшенных подвесками и птицами. Подражаниями им можно считать более простые латунные и медно-цинковые украшения, распространенные по всей территории Булгарии. Тем самым можно сделать вывод о ведущем характере элитарной культуры.

В целом в археологической культуре населения Булгарии явно выделяются два взаимосвязанных элемента – общая мусульманская и элитарная военно-дружинная составляющие. Эти элементы археологической культуры отличают ее от других культур, а также самым непосредственным образом характеризуют булгарскую этнополитическую общность.

Археологическая культура Булгарии и булгарская этнополитическая общность: динамика соотношения. Рассмотрев все материалы, можно сделать вывод, что в нашем

распоряжении находится значительный материал (начиная от предметов с арабскими надписями и предметами культа до остатков мечети и отсутствия костей свиньи в костных остатках), позволяющий сделать вывод о широком распространении ислама в X–XIII вв. на территории Волго-Уральского региона. Важнейшим же доказательством распространения мусульманства являются могильники с территории Волжской Булгарии, о которых можно определенно сделать вывод, что те из них, где выполнены основные требования джаназы (ориентация умершего по кыбле), являются мусульманскими. Ареалы всех этих археологических явлений совпадают с другими вполне определенными культурно-археологическими параметрами (красно-коричневая круговая посуда, крупные городища, развитые земледельческие орудия и ремесленное производство, своеобразные украшения, особый комплекс вооружения и т.д.), которые очерчивают территорию булгарской археологической культуры (см. Фахрутдинов, 1975, с. 26–49). Отсутствие костей свиньи в памятниках этой культуры и мусульманские могильники, которые пока выявлены и изучены не повсеместно, но, тем не менее, равномерно представлены во всех основных регионах Волго-Камья. Это позволяет констатировать сопряженность элементов мусульманской культуры с ареалом распространения булгарской культуры, тем самым подтверждая данные письменных источников. Сопряженность культуры булгар с исламскими элементами культуры, делает именно их важнейшим этнокультурным показателем, поскольку, как удалось выяснить, именно с исла-

мом и мусульманской государственностью связывали свою этническую (этнополитическую) идентичность болгары. Иными словами, все мусульмане, которые, судя по данным археологических источников (болгарская археологическая культура), составляли абсолютное большинство населения Болгарии X–XIII вв., и могут считаться болгарами. Поскольку же нет оснований считать доказанным наличие языческих или немусульманских погребений в мусульманских могильниках, или массива языческого населения, носителя болгарской культуры, то и в такой четкой и однозначной трактовке материала нет особых сомнений. Другие элементы быта и хозяйственной деятельности (лепная керамика, украшения и т.д.), видимо, не осознавались самим населением как этнодифференцирующие и не несли в тот период этническую нагрузку.

Данное положение не означает, что эти элементы не могут использоваться для характеристики особенностей археологической культуры населения Болгарии, речь в данном случае идет только о том, чтобы очистить эти аспекты культуры от несвойственной ей этничности. Характерные материальные древности болгар, действительно определяли облик ее культуры, но при этом надо иметь в виду, что эти же предметы (круговая гончарная посуда, украшения, бронзовая и серебряная посуда, бытовые и хозяйственные изделия и т.д.) могли использоваться и использовались соседними этносами. Например, болгарская керамика в массе встречается на средневековых памятниках Сурско-Свияжского междуречья (Каховский) и Верхнего Прикамья, а украшения и ювелирные изделия были широко известны вплоть до Северо-восточной Европы и Зауралья.

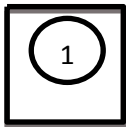

Рис.1

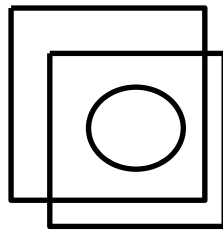

Рис.2

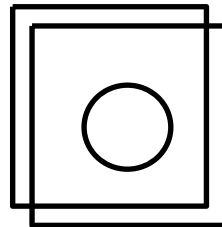

Рис.3

- – болгарская археологическая культура
- – мусульманское население Болгарии
- – болгарская элита

Вместе с тем, поскольку становление государственных институтов и внедрение ислама происходило в течение определенного периода, то и археологические параметры болгарского этноса не оставались неизменными, а претерпевали значительные изменения, как и качественные параметры этничности. На раннем этапе становления Булгарского государства (VIII – начало X вв.) болгары составляли только определенную группу среди тюркских и угорских племен, имеющих достаточно сходную в археологическом отношении культуру, на что оказывали нивелирующее влияние и образ жизни, и способ хозяйствования, и салтово-маяцкие традиции и культурные импульсы (рис.1). Несовпадение квадратов связано с тем, что значительная часть носителей данной археологической культуры (условно ее можно назвать болгарской, хотя есть и другие термины – «раннебулгарская» или «протоболгарская») не считала себя булгарами (племена сувар, эсгиль/чигиль и др.). Булгары составляли один из родов, который постепенно начинает объединять под своей властью другие племена. В свою очередь, поскольку значительная часть болгар продолжала жить в Подонье и даже в Дунайской Болгарии, то не все болгары были носителями этой культуры.

Новый этап связан со становлением Булгарского государства и распространением мусульманской религии в Поволжье. Ислам, как свидетельствует имеющийся в нашем распоряжении материал, начинает проникать в среду болгарского общества на рубеже IX–X вв. На городских некрополях исламская обрядность превалирует уже с первой половины X в., а в сель-

ской округе ислам распространяется во второй половине X в. Отдельные группы населения, оставаясь на периферии исторического развития, сохраняют языческий обряд погребения. Одновременно в городах начинает формироваться новая археологическая культура (распространяется гончарная круговая посуда, появляются новые социально-престижные оружие, украшения, предметы быта и т.д.). Визуально данную ситуацию (рис.2) можно представить как взаимодействие трех элементов: археологической культуры, мусульманского населения и подданных болгарского правителя и военно-служилой элиты, имевшей болгарскую идентичность. Взаимное перекрывание трех квадратов дает мусульманское население Булгарского государства, элитой которого являлась знать, именовавшая себя булгарами, но на новых этнополитических основаниях. Скорее всего, в реальности общности мусульман и болгарской элиты совпадали, хотя теоретически существование некоторых групп болгар, сохранявших верность прежним традициям, по крайней мере, до середины X в., исключить полностью нельзя. За пределами болгаро-мусульманской общины находились группы других тюрко-болгарских племен, использовавших в быту прежние формы культуры и погребальной обрядности.

Распространение ислама и нового этнополитического сознания наталкивалось на сопротивление отдельных племенных объединений, придерживавшихся традиционного мировоззрения и погребальной обрядности, которое уже к середине X в. было сокрушено. Формируется новая этнополитическая ситуация. Во вто-

рой половине X в. все группы тюрко-болгарских племен были включены в состав Булгарского эмирата, входят в болгарскую этнополитическую систему и обращаются в ислам. Анализ всех материалов, позволяет сделать вывод, что с рубежа X–XI вв. на территории Болгарии не зафиксировано ни одного языческого погребения или элемента обряда, а на основных археологических памятниках категорически не встречаются кости свиньи. Сопоставляя данные выводы с выявленными и систематизированными элементами этнополитической ментальности болгар, можно сделать вывод, что утверждение и распространение ислама происходило одновременно и что ведущими узлами социальной, этнополитической и религиозной активности являлись города и их ближайшая округа, где формировались новые социальные отношения и военно-служилая элита. Более того, на всей территории страны устанавливается довольно единообразный погребальный обряд, который безраздельно господствует вплоть до второй половины XIII в. Графически новую ситуацию, установившуюся с рубежа X–XI вв., можно отразить как почти полное перекрытие археологической культуры населения Волжской Болгарии, мусульманского населения и болгарской элиты, идентифицировавших себя с исламским государством. Можно сказать определенно, что болгарская идентичность проникла в среду населения именно как религиозная. Можно только подчеркнуть, что в окружающих ближних и дальних странах население страны именовалось «булгарами» (см.: Измайлов, 1999, с. 69–75).

Неполное совпадение археологической и этнополитической общностей определяются тем, что группы соседних с Булгарией племен использовали в быту элементы болгарской археологической культуры (Верхнее Прикамье, Зауралье, Северо-Восток Европы, Сурско-Свияжское междуречье и т.д.) (см.: Каховский и др., 1993, с. 32–46; Белавин, 2000), в то время как часть жителей Болгарии, использовало в быту некоторые предметы иноземного происхождения или традиционные формы посуды и украшений (не исключено, что группы болгар жили на Руси и пользовались древнерусской материальной культурой) (см.: Полубояринова, 1993).

Все иноэтничные мигранты как отдельные люди, так и целые группы, входя в болгарскую среду и принимая ислам, становились мусульманами, а для соседей – булгарами. Возможно, в жизни все было несколько сложнее и не так однозначно, но пока отдельные нюансы, как и микроэтнонимы и местные элементы самосознания не поддаются определению, тем более они никак не фиксируются археологически. Другие общины, живущие в Болгарии, имели свои кладбища (разумеется, за исключением язычников, которые вряд ли могли составить устойчивую общину, поскольку подлежали обязательной и непрременной исламизации). Так, например, в письменных источниках фиксируется русское христианское кладбище, возможно, к иноконфессиональным общностям относятся и некоторые другие некрополи из Болгара (Яблонский, 1987, с. 124–142).

Данный вывод заставляет обратить пристальное внимание на такой мощный интегрирующий фактор, как

государство во главе с военно-служилой аристократией и встроеной в его институты религий. Сплоченное в единое владение корпорацией военно-служилой знати оно формирует новую реальность, новую общность людей, где ведущими уже становятся не этноязыковые и хозяйственные, а социально-политические и религиозные категории родства, переработанные общественным сознанием в виде исторических и актуальных стереотипов. Аристократическая элита осознает себя особой этносоциальной общностью, с единым этнонимом, который становится самоназванием только после того, как пройдет стадию переосмысления в коллективном сознании и приобретя набор определенных этнополитических стереотипов, закрепляемых за ним. По этому этнониму называется и сама страна в глазах соседей. В свою очередь, изменение самоназвания свидетельствует не о «чуждом влиянии», а о переменных в обществе, вызвавших смену политической ситуации и этносоциальных элит. Механизм этих изменений, в частности в эпоху Улуса Джучи (Золотой Орды) в определенной мере выяснен (Измайлов, 2002, с. 244–262).

При этом основная масса населения отличала себя по конфессиональному признаку. Свидетельствует об этом ортодоксальность погребального обряда болгар, которая, несомненно, связана с их представлениями о своей «избранности», вследствие «пограничности» своего положения на краю обитаемой ойкумены и на северной границе исламского мира (Измайлов, 2000, с. 99–105). Вполне возможно, что этим объяснялась их непримиримость в отношении язычников и язычества. Как бы то ни было, но

каноничность и единообразие погребального обряда на всей территории государства свидетельствуют о силе религиозных норм, которые явно не просто поддерживались авторитетом государства, а прямо насаждались в обществе. Несомненно, что это во многом способствовало быстрому и бесследному «растворению» в котле своего этноконфессионального сознания небольших групп переселенцев из соседних регионов.

В этой ортодоксии была сила болгар, но в ней крылась и их слабость. Будучи основой этнополитической консолидации и становым хребтом этноконфессиональной идентификации болгар, в условиях ослабления ислама в период монгольского завоевания и становления Улуса Джучи, строгие нормы болгарской ортодоксии были во многом размыты и сглажены. Следствием этого стал кризис прежней исламской идентификации и ее постепенная модернизация.

Подводя итог, следует отметить, что как теоретические построения, так и практические исследования на примере этногенеза средневековых болгар показывают продуктивность методики этнологического синтеза, который отвергает руководящую роль одной единственной науки и заменяет ее всесторонней и сбалансированной междисциплинарной интеграцией. Он, наконец, позволит вместо простых «схем» и банального «здорового смысла» археологической этногенетики приблизиться к сложной и многоступенчатой процедуре этнологических исследований, с использованием данных различных наук. Разумеется, при этом, как справедливо писал Л.С. Клейн: «такая смена подхода сделает исследования по этногенезу

более трудными для эмпириков, вовсе недоступными для дилетантов и совершенно непривлекательными для энтузиастов априорных идей о том, откуда «должны» происходить те или иные народы. Что ж, это обычная и не слишком высокая плата за приближение к истине и становление науки» (Клейн, 1988, с. 23).

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтатов В.М. История одного мифа: Марр и марризм. – М.: Наука, 1991. – 240 с.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 288 с.
3. Артамонов М.И. К вопросу об этногенезе в советской археологии // КСИ-ИМК. – № 29. – Л., 1949. – С. 2–16.
4. Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. – М.: Наука, 1989. – 247 с.
5. Арутюнов С.А., Хазанов А.М. Проблема археологических критериев этнической специфики // СЭ. – 1979. – № 6. – С. 79–89.
6. Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. – М.: Новое издательство, 2006. – С. 9–48.
7. Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь: Изд-во ПГПУ, 2000. – 200 с.
8. Белых С.К. Этнос и археологические «этномаркеры» (полемиические заметки) // Вестник Удмуртского университета. – 2013. – Сер. 5. – Вып. 1. – С. 100–105.
9. Ганжа А.И. Этнические реконструкции в советской археологии 40–60 гг. как историко-научная проблема // Исследование социально-исторических проблем в археологии. – Киев: Наукова думка, 1987. – С. 118–158.
10. Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии (У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е – первая половина 30-х годов). – Киев: Наукова думка, 1982. – 225 с.
11. Гумбольдт В. Характер языка и характер народа (Отрывок) // Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М.: Наука, 1985. – С. 370–381.
12. Гуревич А.Я. Историческая наука и историческая антропология // Вопросы философии. – 1988. – № 1. – С. 56–70.
13. Гуревич А.Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. – 1991. – № 2/3. – С. 21–36.
14. Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». – 2-е изд. – М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2014. – 432 с.
15. Дробизева Л.М. Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития // СЭ. – 1985. – № 5. – С. 3–16.
16. Измайлов И.Л. Этнополитические аспекты самосознания болгар X–XIII вв. // Панорама-Форум. – 1996. – № 1 (4). – С. 97–113.
17. Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X–XIII в. – Казань; Магадан: Изд-во СВНИЦ ДВО РАН, 1997. – 212 с.
18. Измайлов И.Л. «Безбожные агаряне»: Волжская Булгария и болгары глазами русских (X–XIII вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. Контакты,

зоны контактов и контактные зоны: XI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы к конференции. – М.: ИВИ РАН, 1999. – С. 69–75.

19. *Измайлов И.Л.* «Начала истории» Волжской Булгарии в предании и исторической традиции // Древнейшие государства Восточной Европы. – М.: Наука, 2000. – С. 99–105.

20. *Измайлов И.Л.* Средневековые булгары: этнополитические и этно-конфессиональные аспекты идентификации // Диалог культур Евразии. Вопросы средневековой истории и археологии. – Вып. 2. – Казань: Изд-во Татарский государственный гуманитарный институт, 2001. – С. 93–119.

21. *Измайлов И.Л.* Формирование этнополитического самосознания населения Улуса Джучи: некоторые элементы и тенденции развития тюрко-татарской исторической традиции // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. – Казань: Мастер Лайн, 2002. – С. 244–262.

22. *Измайлов И.Л.* Булгарская этнополитическая общность: к методике этноархеологического определения средневекового этноса // Вестник Новосибирского государственного университета. – Сер. История, филология. – 2006. – Т. 5. – Вып. 3. – С. 75–83.

23. *Измайлов И.Л.* Мусульманин на пороге вечности: представления о смерти и особенности джаназы в Волжской Булгарии // Минбар (Казань). – 2008. – Вып. 1. – С. 4–41.

24. *Измайлов И.Л.* Булгарский средневековый этнос: критика традиционных методик определения // Этнологические исследования в Татарстане: Материалы итоговой конференции ИИ АН РТ, посвященной 10-летию Ин-та. – Вып. I. – Казань: ИИ АН РТ, 2007. – С. 5–17.

25. *Измайлов И.Л.* «Зеленых не сочтешь там шелковых знамен... (Символы болгарской государственности X – первой трети XIII в.) // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2009. – № 2. – С. 18–34.

26. *Измайлов И.Л.* Волжская Булгария: ислам и археологическая культура // Наследие ислама в музеях России: изучение, атрибуция, интерпретация: Материалы научно-практической конф. 3–4 декабря 2009 г. – Казань: Изд-во Министерства образования и науки Республики Татарстан, 2010. – С. 87–100.

27. *Казаков Е.П.* Культура ранней Волжской Болгарии. – М.: Наука, 1992. – 335 с.

28. *Казаков Е.П.* Волжская Булгария и финно-угорский мир // Finno-Ugrica. – 1997. – № 1. – С. 33–53.

29. *Казаков Е.П.* О роли миграций в формировании этноса и культуры волжских болгар // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: Материалы науч. конф. – М.: Изд-во ГИМ, 1999. – С. 224–231.

30. *Каменецкий И.С.* Археологическая культура: ее определение и интерпретация // СА. – 1970. – № 2. – С. 18–36.

31. *Каховский Б.В., Каховский В.Ф.* Изучение болгарских памятников на территории Чувашии // Археология Волжской Булгарии: Проблемы, поиски, решения. – Казань: ИЯЛИ КНЦ РАН, 1993. – С. 32–46.

32. *Клейн Л.С.* Археологические источники. Учебное пособие. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. – 119 с.

33. *Клейн Л.С.* Стратегия синтеза в исследованиях по этногенезу // Советская этнография. – 1988. – № 4. – С. 13–23.

34. *Клейн Л.С.* Археологическая типология. – Л.: АН СССР, 1991. – 448 с.

35. *Клейн Л.С.* Феномен советской археологии. – СПб.: Фарн, 1993. – 118 с.
36. *Клейн Л.С.* Археология и этнография: проблема сопоставлений // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск: Наука. Сиб. Предприятие РАН, 1998. – С. 29–66.
37. *Клейн Л.С.* Принципы археологии. – СПб.: Бельведер, 2001. – 152 с.
38. *Клейн Л.С.* Этногенез и археология. – Т. 1. – СПб.: Евразия, 2013. – 528 с.
39. *Кнабе Г.С.* Вопрос о соотношении археологической культуры и этноса в современной зарубежной литературе // СА. – 1959. – № 3. – С. 243–257.
40. *Козлов В.И.* Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // СЭ. – 1974. – № 2. – С. 79–92.
41. *Коротеева В.В.* Теории национализма в зарубежных социальных науках. – М.: Изд-во РГГУ, 1999. – 140 с.
42. *Крадин Н.Н.* Археологические культуры, этнические общности и проблема границы // Социогенез в Северной Азии: Материалы 3-й научно-практической конференции (Иркутск, 29 марта – 1 апреля, 2009 г.). – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. – С. 23–27.
43. *Кром М.М.* Историческая антропология. – 2-е изд. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. – 168 с.
44. *Крюков М.В.* Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза // Расы и народы. – 1976. – № 6. – С. 42–63.
45. *Крюков М.В., Малявкин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос на пороге средних веков. – М.: Наука, 1979. – 327 с.
46. *Крюков М.В., Малявкин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). – М.: Наука, 1984. – 336 с.
47. *Крюков М.В., Малявкин В.В., Софронов М.В.* Этническая история китайцев в XIX – начале XX века. – М.: Наука, 1993. – 413 с.
48. *Литаврин Г.Г.* Формирование этнического самосознания болгарской народности (VII – первая четверть X в.) // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. – М.: Наука, 1982. – С. 49–82.
49. *Литаврин Г.Г., Наумов Е.П.* Этнические процессы в Центральной и Юго-Восточной Европе и особенности формирования раннефеодальных славянских народностей // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.). – М.: Наука, 1991. – С. 285–313.
50. *Напольских В.В.* Введение в историческую уралоистику. – Ижевск: Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН, 1997. – 268 с.
51. *Наумов Е.П.* К вопросу о разных уровнях этнического самосознания у южных славян (эпоха раннего средневековья) // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. – М.: Наука, 1987. – С. 107–116.
52. *Петренко А.Г.* Изучение костных остатков животных из раскопок Билярского городища в 1967–1971 гг. // Исследования Великого города. – М.: Наука, 1976. – С. 228–239.
53. *Петренко А.Г.* Билярские остеологические материалы из раскопок 1974–1977 гг. // Новое в археологии Поволжья. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1979. – С. 124–138.
54. *Петренко А.Г.* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. – М.: Наука, 1984. – 174 с.

55. *Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. – М.: Языки славянских культур, 1998. – 383 с.

56. *Полубояринова М.Д.* Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. – М.: Наука, 1993. – 123 с.

57. *Репина Л.П.* Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в современной британской и американской медиэвистике // *Одиссей. Человек в истории.* – М.: Наука, 1990. – С. 167–181.

58. *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М.: Кругъ, 2011. – 560 с.

59. *Руденко К.А.* К вопросу о взаимодействии болгар с поволжскими и прикамскими финнами в XII–XIV вв. (по материалам селищ) // *Finno-Ugrica.* – 1998. – № 1 (2). – С. 15–29.

60. *Смирнов А.П.* К вопросу о происхождении татар Поволжья // *СЭ.* – 1946. – № 3. – С. 37–50.

61. *Смирнов А.П.* Волжские болгары / *Труды ГИМ.* – Вып. XIX. – М.: Изд-во ГИМ, 1951. – 273 с.

62. *Смирнов А.П.* К вопросу об археологической культуре // *СА.* – 1964. – № 4. – С. 3–17.

63. *Смирнов А.П.* Об археологических культурах Среднего Поволжья // *СА.* – 1968. – № 2. – С. 63–71.

64. *Смит Э.Д.* Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. – М.: Праксис, 2004. – 464 с.

65. *Социальная идентичность средневекового человека.* – М.: Наука, 2007. – 327 с.

66. *Токарев С.А.* К постановке проблем этногенеза // *СЭ.* – 1949. – № 3. – С. 12–36.

67. *Токарев С.А.* История зарубежной этнографии. – М.: Высшая школа, 1978. – 352 с.

68. *Фахрутдинов Р.Г.* Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1975. – 220 с.

69. *Федоров Г.Б.* За преодоление влияния «теорий» Марра в археологии (Заседания Ученого совета ИИМК в декабре 1950 г.) // *ВДИ.* – 1951. – № 2. – С. 229–244.

70. *Халиков А.Х.* Татарский народ и его предки. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1989. – 220 с.

71. *Халиков А.Х.* Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. – Казань: «Фолиантъ»; ИИ АН РТ, 2011. – 336 с.

72. *Халикова Е.А.* Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. – Казань: Изд-во КГУ, 1986. – 160 с.

73. *Хузин Ф.Ш.* Волжская Булгария в домонгольское время (X – начало XIII веков). – Казань: Мастер-Лайн, 1997. – 183 с.

74. *Хузин Ф.Ш.* Ранние болгары и Волжская Булгария (VIII – начало XIII в.). Учебное пособие. – Казань: «Фолиантъ», 2006. – 583 с.

75. *Хузин Ф.Ш.* К вопросу о так называемой «постпетрогромской культуре» // *Камский торговый путь.* – Елабуга: Изд-во ЕГПУ, 2008. – С. 11–22.

76. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. – М.: Алетейя, 1998. – 306 с.

77. Шнирельман В.А. Проблема доклассового и раннеклассового этноса в зарубежной этнографии // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. – М.: Наука, 1982. – С. 207–252.

78. Шнирельман В.А. Этноархеология – 70-е годы // СЭ. – 1984. – № 2. – С. 100–113.

79. Шнирельман В.А. Этноархеология // Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. – М.: Наука, 1988. – С. 95.

80. Шнирельман В.А. Археологическая культура и социальная реальность (Проблема интерпретации керамических ареалов). Препринт. – Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 1993. – 39 с.

81. Шнирельман В.А. Злоключения одной науки: этногенетические исследования и сталинская национальная политика // Этнографическое обозрение. – 1993. – № 3. – С. 52–68.

82. Шнирельман В.А. Археология и этнография: проблемы корреляции // «Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить...». – Барнаул: Изд-во АлГУ, 1995. – С. 141–152.

83. Шнирельман В.А. Националистический миф: основные характеристики // Славяноведение. – 1995. – № 6. – С. 3–13.

84. Шнирельман В.А. Борьба за аланское наследие (Этнополитическая подоплека современных этногенетических мифов) // Восток. – 1996. – № 5. – С. 100–113.

85. Элита и этнос средневековья. – М.: Институт всеобщей истории, 1995. – 276 с.

86. Яблонский Л.Т. Некрополи Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры. – М.: Наука, 1987. – С. 124–142.

87. Яблонский Л.Т. Осторожно: этническая археология (Спички детям не игрушка) // XVIII Уральское археологическое совещание: Культурные области, археологические культуры, хронология. – Уфа: Изд-во Башкирского государственного педагогического университета, 2010. – С. 52–63.

88. Binford L.R. Archaeology as anthropology // American Antiquity. – 1962. – Vol. 28. – № 1. – P. 217–225.

89. Gould R.A. Living archaeology. New Studies in Archaeology. – Cambridge: Cambridge Univ. press, 1980. – 270 p.

90. Nationalism. Ed. By J. Hutchinson and A.D. Smith. – Oxford; New York, 1994. – 378 p.

91. Smith A.D. The Ethnic Revival. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1981. – 240 p.

92. Smith A. D. The Ethnic Origins of Nations. – Oxford: Basil Blackwell, 1986. – P. 366.

93. Trigger B.G. Time and Tradition: Essay in archaeological interpretation. – Columbia: Columbia Univ. press, 1978. – 273 p.

Информация об авторе:

Измайлов Искандер Лирунович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); ismail@inbox.ru

**ARCHAEOLOGICAL CULTURE AND MEDIEVAL ETHNIC UNITY:
THE RATIO OF THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS
(A CASESTUDY FROM MEDIEVAL BULGARIA)**

I.L. Izmailov

Problems related to archaeological culture and ethnos comparison in the case of medieval Bulgaria are discussed in the article. According to the author, in recent years it has become evident that the traditional concept and methodology of the study of the Bulgars' ethnogenesis and ethnic history are in contradiction with the facts accumulated. The methods of "archaeological ethno-genetics", which dictated solving problems of ethnogenesis of the ancient population belonging to an archaeological culture in direct correlation with ethnicity, are currently being criticized. According to modern ideas about ethnos and ethnicity, ethnicity is based upon identity with a complex hierarchical nature. Contemporary methodology requires proceeding with the integrated study of the problems of ethnogenesis on the basis of archaeology and ethnology. This kind of analysis is based upon the study of the medieval Bulgar mentality as a source of information on key aspects of ethno-political ideas. The analysis of authentic historical sources, historiographical tradition elements and folklore materials makes it possible to reconstruct the basic ideas that were significant for an ethnic group. The archaeological culture of the population of Bulgaria is characterized by two clearly distinguished and interconnected elements – the common Muslim culture and that of the elite military "druzina" (squad). These elements directly characterize the Bulgar ethno-political community. These theoretical conclusions and empirical research concerning the case of the medieval Bulgars' ethnogenesis attest to the productivity of ethnological synthesis techniques on an interdisciplinary basis.

Keywords: Volga Bulgaria, the Middle Ages, the Bulgar ethnos, ethnogenesis, ethno-archaeology, archaeological culture, "archaeological ethno-genetics", military-service elite, Muslim culture.

REFERENCES

1. Alpatov, V. M. 1991. *Istoriia odnogo mifa: Marr i marrizm (History of a Myth: N. Ya. Marr and Marrizm)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. Anderson, B. 2001. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniia ob istokakh i rasprostraneniі natsionalizma (Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism)*. Moscow: "KANON-press-Ts; Kuchkovo pole" Publ. (in Russian).
3. Artamonov, M. I. 1949. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Concise Bulletins of the Institute for the History of Material Culture)* 29. Leningrad, 2–16 (in Russian).
4. Arutiunov, S. A. 1989. *Narody i kul'tury: razvitie i vzaimodeistvie (Peoples and Cultures: Development and Interaction)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

5. Arutiunov, S. A., Khazanov, A. M. 1979. In *Sovetskaia etnografiia (Ethnography of Soviet Union)* (6), 79–89 (in Russian).
6. Barth, F. 2006. In *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy (Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Difference)*. Moscow: "Novoe izdatel'stvo" Publ., 9–48 (in Russian).
7. Belavin, A. M. 2000. *Kamskii torgovyi put'. Srednevekovoe Predural'e v ego ekonomicheskikh i etnokul'turnykh svyaziakh (Kama Trade Route: Medieval Cis-Urals in its Economic and Cultural Relations)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).
8. Belykh, S. K. 2013. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta (Bulletin of Udmurt University)* 5 (1), 100–105 (in Russian).
9. Ganzha, A. I. 1987. In *Issledovanie sotsial'no-istoricheskikh problem v arkheologii (Research in Socio-historical Issues on Archaeology)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 118–158 (in Russian).
10. Gening, V. F. 1982. *Ocherki po istorii sovetskoï arkheologii. 20-e — pervaiia polovina 30-kh godov (Essays on the History of Soviet Archaeology: From the History of the Theoretical Bases of the Soviet Archaeology, 1920s — First Half of 1930s)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
11. Humboldt, W. v. 1985. In Humboldt, W. v. *Iazyk i filosofiia kul'tury (Language and Culture Philosophy)*. Moscow: "Nauka" Publ., 370–381 (in Russian).
12. Gurevich, A. Ya. 1988. In *Voprosy filosofii (Issues of Philosophy)* (1), 56–70 (in Russian).
13. Gurevich, A. Ya. 1991. In *Voprosy istorii (Questions of History)* (2—3), 21–36 (in Russian).
14. Gurevich, A. Ya. 2014. *Istoricheskii sintez i Shkola "Annalov" (Historical Synthesis and School of Annals)*. Moscow; Saint Petersburg: "Tsentri gumanitarnykh initsiativ" Publ., "Universitetskaia kniga" Publ. (in Russian).
15. Drobizheva, L. M. 1985. In *Sovetskaia etnografiia (Ethnography of Soviet Union)* (5), 3–16 (in Russian).
16. Izmailov, I. L. 1996. In *Panorama-forum (Panorama-Forum)* 4 (1), 97–113 (in Russian).
17. Izmailov, I. L. 1997. *Vooruzhenie i voennoe delo naseleniia Volzhskoi Bulgarii X–XIII v. (Armament and Warfare of the Population of Volga Bulgaria in 10th — 13th Centuries)*. Kazan; Magadan: North-Eastern Scientific Center, Far East Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).
18. Izmailov, I. L. 1999. In *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Kontakty, zony kontaktov i kontaktnye zony (Eastern Europe in the Antiquity and Middle Ages. Contacts, Zones of Contacts and Contact Zones)*. Moscow: Institute for Universal History, Russian Academy of Sciences, 69–75 (in Russian).
19. Izmailov, I. L. 2000. In *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy (The Earliest States of Eastern Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ., 99–105 (in Russian).
20. Izmailov, I. L. 2001. In Burkhanov, A. A. (ed.). *Dialog kul'tur Evrazii: Voprosy srednevekovoi istorii i arkheologii. Izuchenie i sokhranenie istoriko-kul'turnogo nasle-*

diia (Dialogue of Eurasian Cultures. Issues of Medieval History and Archaeology. Study and Conservation of the Historical and Cultural Heritage) 2. Kazan: Tatar State Institute for Humanities, 93–119 (in Russian).

21. Izmailov, I. L. 2002. In Usmanov, M. A. (ed.). *Istochnikovovedenie istorii Ulusa Dzhuchi (Zolotoi Ordya). Ot Kalki do Astrakhani. 1223—1556 (Source Study of the Jochid Ulus (Golden Horde) History: from Kalka to Astrakhan. 1223—1556)*. Kazan: “Master-Line” Publ., 244–262 (in Russian).

22. Izmailov, I. L. 2006. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istorii, filologiya (Bulletin of Novosibirsk state University. History, Philology series)* 5 (3), 75–83 (in Russian).

23. Izmailov, I. L. 2008. In *Minbar (Kazan) (Minbar (Kazan))* 1, 4–41 (in Russian).

24. Izmailov, I. L. 2007. In *Etnologicheskie issledovaniia v Tatarstane (Ethnological Researches in Tatarstan)* I. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 5–17 (in Russian).

25. Izmailov, I. L. 2009. In *Gasırlar avazı = Ekho vekov (Echo of Centuries)* 2, 18–34 (in Russian).

26. Izmailov, I. L. 2010. In *Nasledie islama v muzeiakh Rossii: izuchenie, atributsiia, interpretatsiia (Islam Heritage in the Museums of Russia: Studying, Attribution, Interpretation)*. Kazan: Ministerstvo obrazovaniia i nauki Respubliki Tatarstan, 87–100 (in Russian).

27. Kazakov, E. P. 1992. *Kul'tura rannei Volzhskoi Bolgarii (Culture of Early Volga Bulgaria)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

28. Kazakov, E. P. 1997. In *Finno-Ugrica* 1, 33–53 (in Russian).

29. Kazakov, E. P. 1999. In *Nauchnoe nasledie A. P. Smirnova i sovremennye problemy arkheologii Volgo-Kam'ia (A. P. Smirnov's Scientific Legacy and Modern Problems of Volga-Kama Archaeology)*. Moscow: State Historical Museum, 224–231 (in Russian).

30. Kamenetskii, I. S. 1970. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 18–36 (in Russian).

31. Kakhovskii, B. V., Kakhovskii, V. F. 1993. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Arkheologiya Volzhskoi Bulgarii: problemy, poiski, resheniia (Archaeology of the Volga Bulgaria: Problems, Research, Answers)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 32–46 (in Russian).

32. Klejn, L. S. 1978. *Arkheologicheskie istochniki (Archaeological Sources)*. Leningrad: Leningrad State University (in Russian).

33. Klejn, L. S. 1988. In *Sovetskaia etnografiia (Ethnography of Soviet Union)* (4), 13–23 (in Russian).

34. Klejn, L. S. 1991. *Arkheologicheskaiia tipologiya (Archaeological Typology)*. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

35. Klejn, L. S. 1993. *Fenomen sovetskoi arkheologii (Phenomenon of Soviet Archaeology)*. Saint Petersburg: “Farn” Publ. (in Russian).

36. Klejn, L. S. 1998. In *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: problemy kul'tury i sotsiuma (Ethnographical and Archaeological Complexes: the Issues of Culture and Society)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ., 29–66 (in Russian).

37. Klejn, L. S. 2001. *Printsiipy arkheologii (Principles of Archaeology)*. Saint Petersburg: "Bel'veder" Publ. (in Russian).
38. Klejn, L. S. 2013. *Etnogenez i arkheologiya (Ethnic Genesis and Archaeology) 1. Teoreticheskie issledovaniia (Theoretical Studies)* Saint Petersburg: "Evraziia" Publ. (in Russian).
39. Knabe, G. S. 1959. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 243–257 (in Russian).
40. Kozlov, V. I. 1974. In *Sovetskaia etnografiia (Ethnography of Soviet Union)* (2), 79–92 (in Russian).
41. Koroteeva, V. V. 1999. *Teorii natsionalizma v zarubezhnykh sotsial'nykh naukakh (Theory of Nationalism in Foreign Social Sciences)*. Moscow: Russian State University for the Humanities (in Russian).
42. Kradin, N. N. 2009. In *Sotsiogenez v Severnoi Azii (Sociogenesis in Northern Asia)*. Irkutsk: Irkutsk State Technical University, 23–27 (in Russian).
43. Krom, M. M. 2004. *Istoricheskaia antropologiya (Historical Anthropology)*. Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ. (in Russian).
44. Kriukov, M. V. 1976. In *Rasy i narody (Races and Nations)* 6, 42–63 (in Russian).
45. Kriukov, M. V., Maliavin, V. V., Sofronov, M. V. 1979. *Kitaiskii etnos na poroge srednikh vekov (The Chinese Ethnos on a Threshold of the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
46. Kriukov, M. V., Maliavin, V. V., Sofronov, M. V. 1984. *Kitaiskii etnos v srednie veka (VII–XIII vv.) (The Chinese Ethnos in the Middle Ages (7th–13th Centuries))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
47. Kriukov, M. V., Maliavin, V. V., Sofronov, M. V. 1993. *Etnicheskaia istoriia kitaitsev v XIX – nachale XX veka (Ethnic History of the Chinese in the 19th – Beginning the 20th Century)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
48. Litavrin, G. G. 1982. In *Razvitie etnicheskogo samosoznaniia slavianskikh narodov v epokhu rannego srednevekov'ia (Development of Ethnical Identity of Slavic People in the Early Middle Age)*. Moscow: "Nauka" Publ., 49–82 (in Russian).
49. Litavrin, G. G., Naumov, E. P. 1991. In *Rannefeodal'nye gosudarstva i narodnosti (iuzhnye i zapadnye slaviane VI–XII vv.) (Early Feudal States and Nationalities (the Southern and Western Slavs in the 6th–12th Centuries))*. Moscow: "Nauka" Publ., 285–313 (in Russian).
50. Napol'skikh, V. V. 1997. *Vvedenie v istoricheskuiu uralistiku (Introduction in the Historical Uralic Studies)*. Izhevsk: Russian Academy of Sciences, Ural Branch, Udmurt Institute for History, Language and Literature (in Russian).
51. Naumov, E. P. 1987. In *Etnosotsial'naiia i politicheskaia struktura rannefeodal'nykh slavianskikh gosudarstv i narodnosti (Ethno-social and Political Structure of the Early Feudal Slavic States and Nationalities)*. Moscow: "Nauka" Publ., 107–116 (in Russian).
52. Petrenko, A. G. 1976. In *Issledovaniia Velikogo goroda (Studies of the Great City)*. Moscow: "Nauka" Publ., 228–239 (in Russian).
53. Petrenko, A. G. 1979. In *Novoe v arkheologii Povolzh'ia (Arkheologicheskoe izuchenie tsentra Biliarskogo gorodishcha) (New Developments in Archaeology of the*

Volga Area (Archaeological Study of the Center of Bilyar Fortified Settlement)). Kazan: Kazan: G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 124–138 (in Russian).

54. Petrenko, A. G. 1984. *Drevnee i srednevekovoe zhivotnovodstvo Srednego Povolzh'ia i Predural'ia (Ancient and Medieval Cattle Breeding in the Middle Volga River Region and the Cis-Urals)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

55. Petrukhin, V. Ya., Raevskii, D. S. 1998. *Ocherki istorii narodov Rossii v drevnosti i rannem srednevekov'e (Essays on History of the Peoples of Russia in Prehistory and the Early Middle Ages)*. Moscow: "Iazyki slavianskikh kul'tur" Publ. (in Russian).

56. Poluboiarinova, M. D. 1993. *Rus' i Volzhskaia Bolgariia v X–XV vv. (Rus' and Volga Bulgaria in 10th–15th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

57. Repina, L. P. 1990. In *Odissei. Chelovek v istorii (Odysseus: Man in History)*. Moscow: "Nauka" Publ., 167–181 (in Russian).

58. Repina, L. P. 2011. *Istoricheskaia nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaia praktika (Historical Science on Boundary of the 20th–21st centuries: social theories and historiographical practice)*. Moscow: "Krug" Publ. (in Russian).

59. Rudenko, K. A. 1998. In *Finno-Ugrica* 1 (2), 15–29 (in Russian).

60. Smirnov, A. P. 1946. In *Sovetskaia etnografiia (Ethnography of Soviet Union)* (3), 37–50 (in Russian).

61. Smirnov, A. P. 1951. *Volzhskie bulgary (Volga Bulgars)*. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) XIX. Moscow: State Historical Museum (in Russian).

62. Smirnov, A. P. 1964. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4) 3–17 (in Russian).

63. Smirnov, A. P. 1968. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 63–71 (in Russian).

64. Smith, A. D. 2004. *Natsionalizm i modernizm: Kriticheskii obzor sovremennykh teorii natsii i natsionalizma (Nationalism and Modernism. A Critical Survey of Recent Theories of Nations and Nationalism)*. Moscow: "Praksis" Publ. (in Russian).

65. *Sotsial'naia identichnost' srednevekovogo cheloveka (Social Identity of Medieval Person)*. 2007. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

66. Tokarev, S. A. 1949. In *Sovetskaia etnografiia (Ethnography of Soviet Union)* (3), 12–36 (in Russian).

67. Tokarev, S. A. 1978. *Istoriia zarubezhnoi etnografii (History of Foreign Ethnography)*. Moscow: "Vysshiaia shkola" Publ. (in Russian).

68. Fakhruddinov, R. G. 1975. *Arkheologicheskie pamiatniki Volzhsko-Kamskoi Bulgarii i ee territorii (Archaeological Sites of Volga-Kama Bulgaria and its Territory)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

69. Fedorov, G. B. 1951. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (2), 229–244 (in Russian).

70. Khalikov, A. Kh. 1989. *Tatarskii narod i ego predki (The Tatar people and its ancestors)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

71. Khalikov, A. Kh. 2011. *Osnovy etnogeneza narodov Srednego Povolzh'ia i Priural'ia (Basics of Ethnogenesis of the Middle Volga and Cis-Urals Peoples)*. Kazan: "Foliant" Publ.; Tatarstan Academy of Sciences, Institute for History (in Russian).
72. Khalikova, E. A. 1986. *Musul'manskie nekropoli Volzhskoi Bulgarii X — nachala XIII vv. (Muslim Necropolises in Volga Bulgaria in 10th — early 13th Centuries)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).
73. Khuzin, F. Sh. 1997. *Volzhskaiia Bulgariia v domongol'skoe vremia (X — nachalo XIII vekov) (Volga Bulgaria during the pre-Mongol Period (the 10th — beginning of the 13th centuries.))*. Kazan: "Master-Line" Publ. (in Russian).
74. Khuzin, F. Sh. 2006. *Rannie bulgari i Volzhskaiia Bulgariia (VIII — nachalo XIII v.) (Early Bulgars and Volga Bulgaria (8th — Early 13th Centuries))*. Kazan: "Foliant" Publ. (in Russian).
75. Khuzin, F. Sh. 2008. In *Kamskii torgovyi put' (Kama Trade Way)*. Yelabuga: Yelabuga State Pedagogical University, 11-22 (in Russian).
76. Hobsbawm, E. 1998. *Natsii i natsionalizm posle 1780 goda (Nations and Nationalism Since 1780: Programme, Myth, Reality)*. Moscow: "Aleteiia" Publ. (in Russian).
77. Shnirel'man, V. A. 1982. In *Etnos v doklassovom i ranneklassovom obshchestve (Ethnos in the Pre-Class and Early Class Society)*. Moscow: "Nauka" Publ., 207–252 (in Russian).
78. Shnirel'man, V. A. 1984. In *Sovetskaia etnografiia (Ethnography of Soviet Union) (2)*, 100–113 (in Russian).
79. Shnirel'man, V. A. 1988. In *Etnografiia i smezhnye distsipliny. Etnograficheskie subdistsipliny. Shkoly i napravleniia. Metody (Ethnography and Related Subjects. Ethnographic Sub-disciplines. Schools and Directions. Methods)*. Moscow: "Nauka" Publ., 95 (in Russian).
80. Shnirel'man, V. A. 1993. *Arkheologicheskaiia kul'tura i sotsial'naia real'nost' (Problema interpretatsii keramicheskikh arealov) (Archaeological Culture and Social Reality (Interpretation of pottery areas))*. Preprint. Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, History Institute and Archaeology (in Russian).
81. Shnirel'man, V. A. 1993. In *Etnograficheskoe obozrenie (Ethnographic Review) (3)*, 52–68 (in Russian).
82. Shnirel'man, V. A. 1995. In "Moia izbrannitsa nauka, nauka, bez kotoroi mne ne zhit'..." («My Darling a Science, a Science without which me not to live...»). Barnaul: Altai State University, 141–152 (in Russian).
83. Shnirel'man, V. A. 1995. In *Slavianovedenie (Slavonic Studies) (6)*, 3–13 (in Russian).
84. Shnirel'man, V. A. 1996. In *Vostok (Orient) (5)*, 100–113 (in Russian).
85. *Elita i etnos srednevekov'ia (Elite and Ethnos in the Middle Ages)*. 1995. Moscow: Institute for Universal History, Russian Academy of Sciences (in Russian).
86. Iablonskii, L. T. 1987. In *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (Town of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 124–142 (in Russian).
87. Iablonskii, L. T. 2010. In *XVIII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie: Kul'turnye oblasti, arkheologicheskie kul'tury, khronologiia (18th Ural archaeological*

Conference: Cultural Areas, Archaeological Cultures, Chronology). Ufa: Bashkir State Pedagogical University, 52–63 (in Russian).

88. Binford, L. R. 1962. Archaeology as anthropology. In *American Antiquity* 28 (1), 217–225.

89. Gould, R. A. 1980. *Living archaeology. New Studies in Archaeology*. Cambridge: Cambridge Univ. press.

90. Hutchinson, J., Smith, A. D. (eds.). 1994. *Nationalism*. Oxford; New York.

91. Smith, A. D. 1981. *The Ethnic Revival*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

92. Smith, A. D. 1986. *The Ethnic Origins of Nations*. Oxford: Basil Blackwell.

93. Trigger, B. G. 1978. *Time and Tradition: Essay in archaeological interpretation*. Columbia: Columbia Univ. press.

About the Author:

Izmaylov Iskander L. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ismail@inbox.ru.